
ЛИНА БЛЭК
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
Стажёрка
ДЛЯ НАХАЛА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ВНЕУРОЧНОЕ ЗАНЯТИЕ

Лина Блэк

Стажёрка для нахала. Внеурочное занятие

«Автор»
2026

Блэк Л.

Стажёрка для нахала. Внеурочное занятие / Л. Блэк — «Автор», 2026

— Что ты там советовала? Кулачком поработать? Покажи как правильно, уверен, ты в этом спец, — усмехается он, медленно приближаясь.— Отвали, Баринов, — шиплю я, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Ты первый начал!В глазах какая-то практически животная ненависть, к которой вдруг примешивается что-то другое, тёмное и опасное. Баринов резко дергает меня за ворот блузки, пуговки с громким стуком рассыпаются по полу, а у парня внезапно темнеют глаза— Твою мать, — рычит он и, перехватив мне руки за спиной, вгрызается в губы с такой силой, что я теряю возможность дышать

© Блэк Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 23
Глава 8 26
Глава 9 30
Глава 10 32
Глава 11 34
Глава 12 36
Глава 13 38
Глава 14 40
Глава 15 43
Глава 16 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Стажёрка для нахала. Внеурочное занятие

— Что притихла? Без поддержки толпы уже не такая смелая?

Я сглатываю комок в горле, ощущая, как сердце ухает вниз живота.

Вот это я влипла… Ну вот кто меня за язык тянул?!

Гад делает шаг вперёд, и я непроизвольно пячусь, мечтая провалиться сквозь землю. В моей тесной каморке мгновенно становится нечем дышать, потому что этот бугай вошел и словно всосал в себя весь воздух!

— Что ты там советовала? Кулачком поработать? Покажи как правильно, уверен, ты в этом спец, — усмехается он, медленно приближаясь.

— Отвали, Баринов, — шиплю я, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Ты первый начал!

Он усмехается и делает резкий выпад и я не успеваю среагировать, как оказываюсь прижата к столу, не в силах даже дернуться... Я чувствую его жар, тяжесть тела и даже чувствую как быстро стучит его сердце, словно вот-вот пробьет мощную грудную клетку…

В глазах какая-то практически животная ненависть, к которой вдруг примешивается что-то другое, тёмное и опасное. Баринов резко дергает меня за ворот блузки, пуговки с громким стуком рассыпаются по полу, а у парня внезапно темнеют глаза…

— Блядь, — рычит он, и, вклинив колено между моих ног и перехватив мне руки за спиной, вгрызается в губы с такой силой, что я теряю возможность дышать…

Глава 1

Настя Миронова

Боже… Как можно не нервничать, когда тебе сейчас предстоит прыгнуть в пасть к тигру?!

Пытаюсь сосредоточиться на бумагах перед собой на столе, но руки все равно дрожат.

Аудитория кажется огромной, светлой и чужой, хотя на деле это обычный лекционный зал, каких десятки в универе... Просто стены здесь будто пропитаны презрением и самодовольством сидящих передо мной студентов. Наглых, избалованных мажоров, привыкших, что их мир вращается вокруг сумм, которые я вижу только на ценниках в магазинах и в счетах за… Впрочем не важно.

Давай, Настя, сосредоточься. Раздай тесты, объясни и свободна! Быстро, четко и безболезненно…

Я сглатываю, ощущая, как начинает предательски покалывать в кончиках пальцев.

Надо держаться.

Эти тесты — мой билет к защите диплома и нормальной работе.

Полгода. Целых полгода я умоляла руководство позволить мне провести это исследование и ещё столько же морально готовилась к встрече с этой публикой.

Сейчас самое важное — не показать им слабость. Не позволить сломать меня в первую же минуту. И… промолчать! Что, кстати, самое сложное!

— Настен, тебе точно не нужна помощь? — спокойно спрашивает куратор Татьяна Николаевна, наблюдая за мной с лёгкой тревогой.

Я пытаюсь изобразить улыбку, но получается плохо.

— Нет, спасибо, я справлюсь.

— Ну, хорошо… Так, архаровцы! Девочку мне не обижать! Иначе не видать вам никакой помощи, ясно!?

Нестройным хором прошелся согласный гул, но как-то он мало обнадеживал…

Её телефон звонит, она торопливо подносит его к уху и выходит из аудитории, бросив мне извиняющийся взгляд. Дверь с тихим щелчком закрывается, и я понимаю, что осталась одна.

Совсем одна против целого зала лениво смотрящих на меня студентов. И не просто студентов, а самых настоящих хищников, которым палец протяни и под локоть откусят, если не по самые гланды!

Беру себя в руки и начинаю говорить. Голос звучит ровно, спокойно, хотя в животе уже нервно сжимается противный комок.

— Сейчас я раздам вам тесты. Заполнение займёт не больше пятнадцати минут. Прошу быть максимально честными в своих ответах, это важно для моего исследования.

Кто-то зевает. Кто-то перешёптывается, но… меня волнует не это. Безразличие я уж как-нибудь переживу, а вот… самое ужасное — это пристальный, циничный взгляд парня в последнем ряду.

Марк Баринов. Я узнала его сразу, едва вошла сюда. Самый избалованный из всех местных принцев. Самый наглый. Самый невыносимый и… самый популярный персонаж девичьих снов и фантазий всего нашего университета.

Я быстро иду по рядам, раздавая листы и стараясь не встречаться с ним взглядом, но это, конечно, невозможно. Потому что уже через секунду он нагло ухмыляется и лениво кидает:

— А в каких единицах измерять степень честности, Анастасия Сергеевна? В рублях? Или натурой можно?

В аудитории гремит мерзкий смех. Мои щёки вспыхивают пожаром, и я резко поворачиваюсь к нему. Пульс начинает стучать болезненно громко в висках.

Спокойно, Настя… Осторожно…

— Лучше измерьте в степени вашей воспитанности, Баринов. Хотя, боюсь, она стремится к нулю, — выдохнув отвечаю я, чувствуя странное удовлетворение от того, что его улыбка слегка гаснет.

Но ненадолго. Он снова расслабленно откидывается на спинку стула и с притворной задумчивостью произносит:

— А вы не хотите помочь мне поднять этот показатель лично? Скажем… сегодня вечером у меня дома? С удовольствием послушаю высоко нравственную лекцию.. И мне и еще кое-кому это будет ну о-о-очень интересно!

В зале снова взрыв хохота и одобрительные свисты. Руки сжимаются так сильно, что ногти болезненно впиваются в ладони. Я глотаю воздух, не в силах сразу выдавить из себя хоть что-то. Сердце грохочет так, будто сейчас проломит рёбра.

Ну вот почему именно сейчас куратор должна была уйти? Почему я всегда оказываюсь в таких ситуациях одна?

Тихо, Настя… Просто промолчи!

— Уверен, вы знаете, как правильно обращаться с трудными студентами, — продолжает он, наслаждаясь моим смятением. — Можете показать прямо сейчас. Я очень внимательный ученик, а ребята, я уверен, отвернутся… Честно-честно!

Я смотрю в его самодовольное лицо, в его идеально сидящую дорогущую одежду, и внутри меня вдруг вспыхивает слепая злость.

Ненавижу мажоров… Ненавижу! Один такой уже наследил в моей жизни, второго такого я не позволю!

Я подхожу прямо к его парте, кладя перед ним тест с неожиданной силой. Наши взгляды сцепляются, и я отчётливо вижу в его глазах вызов. Я чувствую его запах, резкий, нахальный, сбивающий дыхание.

— Баринов, я уже дала вам четкую задачу. Если у вас возникли проблемы с концентрацией, идите в туалет и поработайте кулачком, — холодно произношу я. — Уверена, это решит все ваши проблемы. Заниматься разжевыванием для особо одаренных я не обязана.

На секунду в аудитории повисает абсолютная тишина, а потом взрывается истерический хохот и аплодисменты.

— Туше, братан! — раздается голос соседа этого наглого хама и тот лупит его по плечу, чем кажется срывает последние предохранители с Баринова…

Лицо парня темнеет от ярости, а в груди у меня почему-то вдруг становится страшно и холодно.

Но… уже поздно. Надо было изначально прикусить язык, Настя!

Остаток теста проходит в абсолютной тишине, а я чувствую на себе его тяжёлый, прожигающий взгляд. Когда звонок наконец-то звучит и в аудиторию входит мой куратор, я очень прошу ее собрать тесты, а сама буквально сбегаю в свою коморку, которую мне выделили для работы, захлопнув дверь и прислоняясь к ней спиной.

Я на грани срыва, с трудом пытаюсь восстановить дыхание и почувствовать хоть немного облегчения, но не проходит и минуты, как дверь резко распахивается, заставляя меня испуганно вскрикнуть.

Баринов стоит на пороге, в его глазах злость и ещё что-то тёмное, пугающее. Он входит, захлопывая за собой дверь.

— Ого, какие мы резвые… Что притихла? Без поддержки толпы уже не такая смелая?

Я сглатываю комок в горле, ощущая, как сердце ухает вниз живота.

Вот это я влипла… Ну вот кто меня за язык тянул?!

Гад делает шаг вперёд, и я непроизвольно пячусь, мечтая провалиться сквозь землю. В помещении мгновенно становится нечем дышать, потому что этот бугай вошел и словно всосал в себя весь воздух!

— Что ты там советовала? Кулачком поработать? Покажи как правильно, уверен, ты в этом спец, — усмехается он, медленно приближаясь.

— Отвали, Баринов, — шиплю я, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Ты первый начал за мой счет утверждаться!

— О, не стоит так злиться, птичка! Шанс кончить первой у тебя железобетонный!

Он усмехается и делает резкий выпад и я не успеваю среагировать, как оказываюсь прижата к столу, не в силах даже дернуться... Я чувствую его жар, тяжесть тела и даже чувствую как быстро стучит его сердце, словно вот-вот пробьет мощную грудную клетку…

В глазах какая-то практически животная ненависть, к которой вдруг примешивается что-то другое, тёмное и опасное. Баринов резко дергает меня за ворот блузки, пуговки с громким стуком рассыпаются по полу, а у парня внезапно темнеют глаза…

— Блядь, — рычит он, и, вклинив колено между моих ног и перехватив мне руки за спиной, вгрызается в губы с такой силой, что я теряю возможность дышать…

Глава 2

Настя Миронова

Я не сразу понимаю, что происходит.

Он не целует меня… Он сметает мои границы одним махом! Словно пытается стереть, переписать, подмять под себя. Я дёргаюсь, пытаюсь отвернуть голову, но ладонь тут же сжимается на затылке, наматывая волосы на кулак, не давая ни сантиметра свободы.

— Не дёргайся, — рычит он, отрываясь от моих губ всего на мгновение. — Тебе понравится, птичка…

Понравится?!

В груди всё сжимается в ледяной ком. Сердце колотится так, что закладывает уши. Я упираюсь ладонями в его грудь, но это всё равно что толкать бетонную стену.

— Ты вообще понимаешь, что ты творишь?! Я тебя посажу! — вырывается у меня, сорвано, почти истерично.

Он усмехается. Медленно. Зло.

Его пальцы скользят по моей шее и вдруг сжимаются. Не перекрывая дыхание — нет. Демонстративно. Показывая, что может.

— Это если тебе не понравится… И еще… мне не надо самоутверждаться, — цедит он, глядя прямо в глаза. — Тем более… на фоне такой облезлой мыши, как ты.

Слова режут. Больно. Грязно. Унижающе.

Облезлой?!

— И очень зря, что мы с тобой начали так знакомство, — продолжает он, снова накрывая мои губы, отрываясь лишь на секунды. — Такие, как ты, должны захлопывать рот, едва я начинаю говорить.

Я мотаю головой, задыхаюсь, чувствую, как подкашиваются ноги.

— А если не захлопнули… — он прижимается ближе, наваливается всем телом, — я это расцениваю как приглашение.

— Нет! — я пытаюсь вырваться, извиваюсь, но сил катастрофически не хватает. — Отпусти меня! Ты… ты не имеешь права!

Он смеётся. Тихо. Хрипло. Страшно.

— Что, птичка, — шепчет, наклоняясь к уху, — дочирикалась?

Я чувствую его дыхание. Жар его тела… Он везде. Воздуха не хватает. В голове шумит.

— Ты везде такая же горячая? — его голос становится ниже. Опаснее. — О-о-о… не отвечай. Я сейчас проверю сам.

Его руки скользят по мне — нагло, уверенно, словно я вещь, а не человек. Я дёргаюсь, всхлипываю, пытаюсь вывернуться, но он только сильнее прижимает меня к столу.

Господи… нет… пожалуйста…

Колени подгибаются, когда он нависает надо мной. Когда его бедро вклинивается между моих ног, лишая опоры.

Я ненавижу себя за эту слабость. За эту дрожь. За то, что внутри всё реагирует вопреки воле.

Это физиология, просто физиология!

— Чувствуешь? — усмехается он, будто читая меня и упираясь пахом мне в промежность. — И это все для тебя….

Я резко дёргаюсь, когда его язык скользит по уху. Меня передёргивает.

— Не смей… — шепчу я, почти плача. — Остановись…

— Давай, — шепчет он в ответ. — Проси. Умоляй. Это заводит.

Ублюдок.

Псих.

Гад.

Я ненавижу его.

Ненавижу так сильно, что внутри всё горит. Ненавижу за то, что он чувствует мою реакцию. За то, что пользуется ею. За то, что превращает мою физиологию в оружие против меня.

Слышу резкий треск ткани — и в этот момент внутри что-то окончательно ломается.

— Шухер!

Дверь распахивается так резко, что я вздрагиваю всем телом.

В проёме появляется знакомая голова — тот самый друг. Тот, что сидел рядом с ним…

Баринов замирает. Медленно выпрямляется. Отлипает от меня так, будто делает одолжение.

Я едва удерживаюсь на ногах.

Он смотрит на меня сверху вниз. Холодно. Обещающе.

— Мы ещё не закончили, птичка.

И выходит.

Дверь захлопывается.

Я сползаю по столу на пол, не чувствуя ног. Руки трясутся. Всё тело дрожит, будто меня только что вытащили из ледяной воды.

Слёзы рвутся сами.

— Твою мать… — шепчу я, закрывая лицо ладонями. — Что это сейчас было?..

— Боже, Настя! Что случилось?!

Только этого мне сейчас не хватало…

Глава 3

Настя Миронова

Дверь резко распахивается, и в мою каморку врывается Лизка Ефимова.

Твою мать... Именно сейчас! Именно она!

Самая болтливая девица во всем универе, новости из которой летят, как сквозь дуршлаг! Уже через полчаса обо мне будет сплетничать каждый ленивый, и моя репутация канет в небытие.

А с ней и моё будущее, бабушка точно не переживёт…

— Настя! Боже мой, что случилось?! — Лиза смотрит на меня, ошалело хлопая ресницами.

Надо думать… немедленно! Что-нибудь правдоподобное, срочно…

— Я… — сглатываю я, лихорадочно соображая и поправляя задранную юбку. — Стрелку хотела на колготках лаком подмазать… споткнулась и грохнулась прямо на стол! Больно жуть…

Сама от себя не ожидала такого правдоподобного вранья, сердце болезненно сжимается в груди, дыхание перехватывает от ужаса. Лизка смотрит подозрительно, чуть щурится и прикусывает губу, явно что-то сопоставляя.

— Серьёзно? — медленно тянет она, явно не веря, но всё же кивает. — Ладно… но выглядишь, будто пыталась быка завалить.

— Ну спасибо, подруга, — выдыхаю я с облегчением, судорожно пытаясь запахнуть блузку.

Конечно же, она видела Баринова, вылетающего отсюда, как ошпаренного кота, но если повезёт, она не станет разносить сплетни по всему универу.

— Ой! Слушай, у меня колготки с собой запасные есть! — внезапно встрепенулась Лиза, ныряя в сумочку и протягивая мне новенькую упаковку. — На, держи.

Я обнимаю её с таким искренним облегчением, что почти забываю о страхе.

— Спасибо, Лизка… ты спасительница.

— Ой, брось, это всего лишь колготки, — отмахивается она и вдруг внимательно смотрит на меня. — А плакала ты чего тогда?

Сердце резко проваливается в пятки.

Чёрт, почему именно Лиза проявляет такие подозрительные таланты в дедукции?!

— Больно было, говорю же… да и от обиды, — я пытаюсь улыбнуться максимально убедительно, но получается плохо.

— То есть тот факт, что отсюда, как ошпаренный, вылетел Баринов, на твои слезы никак не влияет, да, маленькая врушка? — Лиза зло сощуривается, словно ловит меня на вранье.

Меня пробивает на холодный пот, пальцы начинают мелко дрожать.

— Лиза, да брось ты! Он просто занёс тест…

— Настя! Я его знаю лучше, чем ты думаешь, — вспыхивает она, топнув ногой. — Он с моим братом дружит, а уж брат у меня тот ещё придурок… Я прекрасно знаю, какой Марк Баринов ублюдок!

— Лиза, прошу тебя, перестань додумывать! — я судорожно перебиваю её, понимая, что сейчас прозвучу крайне глупо. — Мы просто… столкнули с неким недопониманием. Я сказала лишнего, а он решил самоутвердиться. Мы разрулили вопрос…

Голос звучит неубедительно даже для меня самой. Господи, только слепой не увидит, что я нагло вру!

Лиза хмурится, но неожиданно отмахивается, вздыхая:

— Разрулили - это не про Баринова! — рявкает она. — Ладно. Если что, скажи мне. Я ему устрою сладкую жизнь!

Яедва сумела подавить истерический смешок, но вовремя прикусываю язык и торопливо переодеваюсь за её спиной, пока Лиза отвлекается в телефон. Подбираю с пола пуговицы, наскоро скрепляю края блузки скрепками, разглаживаю волосы, пытаясь скрыть дрожь в руках.

— Ты домой когда? — снова отвлекает меня Лиза.

— Уже иду. Куратор сама тесты заберёт, завтра разберёмся… — я чувствую себя разбитой вдребезги.

— Поехали, я тебя подвезу!

— Лиза…

— Не спорь! Мне в салон ещё нужно, там по пути, — она берёт меня за руку, и я понимаю, что спорить бесполезно.

В машине Лиза весело щебечет о новой коллекции, которую отец обещал привезти из Милана, о шмотках, обуви, а я смотрю в окно, почти не слушая её.

Мы слишком разные.

Для неё колготки за тысячу – это расходник, для меня же это были единственные приличные колготки… Я их полгода берегла!

Теперь и юбки нет смысла носить… Да и брюки, вместо ремня, амбарным замком сцепливать. Если Баринов сдержит своё обещание и действительно это не конец, лучше мне вообще не попадаться ему на глаза. Тем более в юбке…

— Настя, ты вообще меня слушаешь? — раздражённо спрашивает Лиза.

— Прости, задумалась… тест этот…

— Выплюнь и забудь! У Машки вечеринка вечером, поехали!

— Лиза, нет…

— Там не будет никого из этих гадов, мамой клянусь! — театрально закатывает глаза она.

Я смеюсь против воли, качаю головой:

— Нет, у меня дела вечером.

Конечно, дела. Мишка ждет каждый вечер, бабушка устала… Да ещё три консультации онлайн. Нам деньги нужнее веселья.

— Ну, Настяяя…

— Не могу, правда.

— Надо! Тебе давно пора встряхнуться. Такая девка и одна, — вздыхает Лиза.

Я благодарно улыбаюсь и выскакиваю из машины. Лиза вслед что-то кричит о том, что перезвонит и вечером заедет, но я уже почти не слышу её, скрываясь в подъезде.

Не до вечеринок мне… Тут бы самолюбие собрать обратно…

Дома меня сразу же встречают цепкие, встревоженные глаза бабули. Она словно ждала меня у порога и сейчас тревожно разглядывает с головы до ног, будто пытаясь понять, не произошло ли за день чего страшного.

— Настя! Господи, что с тобой?! — голос её дрожит, и бабушка быстро приближается ко мне, хватая за плечи. — Почему такая растрёпанная? Лицо белое совсем, глаза заплаканные! Ты почему помятая такая? И с блузкой что?! Это что, скрепки?!

Я пытаюсь взять себя в руки, но сердце резко проваливается куда-то вниз. Чувствую, как кровь мгновенно приливает к щекам.

Боже мой, она же сразу обо всём догадается! Бабулю не проведёшь так легко, как Лизку.

— Бабуль, да ерунда… Я упала просто, зацепилась за дверь… — говорю я, стараясь изобразить на лице беззаботность, но голос предательски дрожит, и слова звучат неубедительно даже для меня самой.

Она резко сужает глаза, пристально глядя мне за спину, будто пытаясь заглянуть прямо мне в душу и увидеть там всю правду.

— Не ври мне, Настя, — тихо, но жёстко произносит бабушка. — Я же вижу, с тобой что-то случилось. Ты в глаза мне смотреть боишься… Кто тебя обидел, девочка моя?

У меня комок подкатывает к горлу, дыхание сбивается, а сердце начинает колотиться болезненно громко.

Ну вот как ей объяснить, что со мной случилось, чтобы не убить её на месте таким признанием?

— Боже! Настя, а это что такое?!

Я резко оборачиваюсь к зеркалу, всматриваюсь в собственное отражение и застываю.

На шее отчетливо наливается красное пятно...

Засос.

Настоящий засос, который поставил мне этот гад!

Глава 4

Настя Миронова

Я судорожно сглатываю и лихорадочно соображаю, как соврать бабушке. Сердце бешено стучит где-то в горле, мешая дышать. Боже, что я творю?!

— Это книжки, бабуль… — выдавливаю я с максимально убедительным видом. — На верхней полке лежали, я хотела взять, они упали. Я уворачивалась, и вот результат.

Голос дрожит, пальцы холодеют. Сама себе не верю, но лучше придумать не получается.

Бабушка прищуривается, сверля меня взглядом насквозь. Её не проведёшь. За плечами сорок лет в медицине и суровые взгляды на воспитание — она насквозь видит любую мою ложь.

— Книжки, значит, — с нажимом повторяет она. — И что же за книжки такие тяжёлые, что у тебя пуговицы до одной оборвало и синяки на шее остались, Настя?!

— Бабуль, правда… — я отворачиваюсь, избегая её пристального взгляда, чувствуя, как к щекам приливает жар стыда. — Ну ты же знаешь, я не вру.

Она поджимает губы и качает головой. Это плохой знак. Очень плохой.

— Настя… — начинает она, сжав ладони перед собой. — Я прекрасно понимаю, как нам сейчас тяжело. Да, для нас деньги сейчас острая проблема, но даже в такой ситуации продавать своё тело — это…

Я вскидываюсь резко, не давая ей закончить:

— Бабуль! Да ты что?! О чём ты вообще говоришь?! Какое ещё тело, ты…

Боже, неужели она и правда думает, что все так просто?! Как?! Выложить объявление и клиенты посыпались?!

Она медленно подходит к комоду рядом, упираясь в него руками, и тяжело вздыхает, глядя прямо мне в глаза.

— Настя, я почти сорок лет проработала в гинекологии. Ты думаешь, я не видела, к чему приводят быстрые и лёгкие деньги? Знаешь, сколько матерей ко мне приводили своих пятнадцатилетних девчонок? Слезы, крики, потом аборты и болячки на всю жизнь! — бабушка сжимает кулаки, будто заново переживает всё это снова и снова. — Что бы мама с папой сказали?

Меня как ледяной водой обдаёт. Ком подкатывает к горлу, и я чуть не срываюсь на слёзы прямо перед ней. Но держусь из последних сил.

— Бабуль, ты неправильно всё поняла… — голос почти пропадает. — Ничего такого не было! Я не вру тебе.

Она качает головой, явно не веря ни единому слову, и снова принимается за своё:

— Я ведь не просто так тебя всегда оберегала. Ты думаешь, почему я такая строгая была? Да я каждую ночь боялась, что ты повторишь судьбу этих девчонок! Настя, ты слышишь меня?!

Я тяжело сглатываю, стараясь не смотреть ей в глаза.

Конечно, слышу. И знаю. Я же и сама всю жизнь была заперта в этой невидимой клетке строгого воспитания. Мне двадцать четыре года, я учусь в магистратуре, а всё ещё девственница, чёрт возьми. Даже тот самый первый поцелуй, который должен был стать особенным, долгожданным, нежным… и его сегодня нагло украли. Отняли. Присвоили себе без спроса, без права, без моего согласия! И хуже всего то, что этот вор даже не почувствовал ни малейших угрызений совести. Чтоб у него понос не заканчивался!

— Да слышу, бабуль, слышу! — я выдыхаю, закрывая глаза, чтобы только выдержать эту волну. Потому что иначе это продлится не час, а сутки.

Она снова открывает рот, явно собираясь рассказать очередную страшную историю из своей врачебной практики, как вдруг звонит мой телефон.

Я вздрагиваю и едва не подпрыгиваю на месте.

Бабушка косится на экран и поджимает губы, явно всё понимая. такое уведомление у меня стоит на оповещение начала консультации…

— Ступай, — тяжело говорит она. — Но разговор не окончен.

Я мысленно чертыхаюсь.

Да что сегодня за проклятый день такой, когда все подряд решают, что наши разговоры не окончены?!

Захлопнув дверь в спальню, я с ужасом смотрю на часы.

Чёрт! Я уже опаздываю на консультацию! Наскоро прикрываю засос на шее лёгким шарфиком, снова проклиная про себя Баринова всеми словами, которые вообще знаю, и включаю ноутбук.

Работа начинается мгновенно, поглощая меня с головой.

Один звонок, второй, третий. Чужие истории, чужие беды, проблемы и страхи. К шестому часу я чувствую себя абсолютно вымотанной и пустой, словно из меня выжали все соки. Но… сумма на моей карте приятно греет душу и даёт хоть какое-то ощущение покоя.

Эти деньги — это лекарства для Мишки. Мой маленький ангел… Это возможность для него дожить до операции и потом прожить долгую и счастливую жизнь. Он заслужил это!

Я знаю, что поступаю незаконно. Я понимаю, что не имею права оказывать консультации без диплома и соответствующих документов. Пришлось пойти на ухищрения и манипуляции, но кто вообще станет проверять? Кто пойдёт жаловаться?

Я устало закрываю последнюю вкладку и уже тянусь, чтобы выключить ноутбук, переодеться и сменить бабушку, занявшись братом, как вдруг на экране пикает новое уведомление.

Новый клиент. Статус: «Приоритет».

Сердце замирает в груди. Такие клиенты редкость. Очень большая редкость. И платят они в пять раз больше обычных.

Я даже не раздумываю и просто нажимаю кнопку «принять». Несколько минут царит тишина. Я уже думаю, что произошёл какой-то сбой, как вдруг экран вспыхивает снова — входящий видеозвонок.

Видео — это скорее редкость… Обычно приоритетные клиенты приходят с какими-то постыдными запросами и тут, понятно почему, но раскрывать свое инкогнито не хотят.

Я знала, на что шла, когда соглашалась консультировать таких клиентов. Я быстро поправляю волосы, проверяю шарфик на шее и, глубоко вдохнув, нажимаю кнопку принятия вызова.

Экран пару секунд грузится, и я уже привычно говорю:

— Добрый вечер, что бы вы хотели обсудить? Я всегда…

Но замолкаю на полуслове, едва изображение проявляется чётко и отчётливо. Сердце пропускает удар и проваливается куда-то в пятки.

— Ну привет, птичка…

Глава 5

Настя Миронова

Сердце пропускает удар и летит куда-то в пропасть, пока я смотрю на самодовольное лицо Баринова. Он лениво развалился в кресле, будто это он делает мне одолжение, а не он заказал приоритетную консультацию…

— Какая прелесть… птичка работает мозгоправом… Нелегально, между прочим! Улет, правда? — его голос сочится издёвкой и высокомерием.

Я резко вдыхаю, пытаясь взять себя в руки.

Нельзя хамить приоритетным клиентам… Если он натыкает в характеристике хоть что-то негативное, мой рейтинг упадет на дно… И плакали заработки.

— Если у вас нет конкретного запроса, — заставляю себя говорить холодно, хоть внутри всё трясётся от страха, — я прошу не отвлекать меня от работы.

— О-о-о, какая серьезная киска… Прям так строго? Любишь доминировать? — хмыкает он. — С каких пор у нас стажёры стали такими смелыми? Может, тебе напомнить условия работы с приоритетными клиентами?

Чёрт.

Напоминать не нужно. Я прекрасно помню, что закончить консультацию могу только с его согласия, и ни одна запись не ведётся. У приоритетных клиентов почасовая оплата… Вздумай он ублажать себя перед камерой на протяжении часов трех-четырех, я должна безропотно смотреть и задавать наводящие вопросы… Таковы правила. Он может говорить что угодно, и я ничего не смогу доказать.

Максимум, что я смогу добиться, если повезет, так это того, что консультацию закроют без время для моего рейтинга. Ни этот гад ни копейки не заплатит, ни я не потеряю такие важные баллы…

— Нечего сказать? — он прищуривается, глядя прямо в камеру. — Уже лучше. Слушай, а у тебя прямо талант быть послушной, правда, птичка?

Я молчу, сжав зубы так сильно, что начинает сводить скулы. Если взорвусь сейчас, потеряю всё — работу, деньги, возможность лечить Мишку.

Мне нельзя взрываться. Нельзя.

— Ты знаешь, я тут навел справки… Немножко копнул. знаешь ли, люблю знать наглых кисок полностью. В вашей биографии часто есть такие интересные моменты, — продолжает он, голос его звучит почти ласково, но это спокойствие только страшнее. — И копнул тут недавно твоё славное прошлое. Интересное чтиво вышло.

Я чувствую, как к лицу приливает жар. Хочется прервать его, но нельзя. Правила чёткие. Условия безжалостные.

Молчи, Настя… Ради Мишки. МОЛЧИ!

— Всю жизнь была серой мышью, — продолжает он с наслаждением. — Одежда из секонда, обувь на вырост, рваные колготки и драные носочки... Всегда за спиной шушукались, называли чушкой и облезлой зубрилой. Как там тебя ещё… а! Зубастик. Брекеты ведь были, да?

Я глотаю ком в горле, чувствую, как слёзы жгут глаза. Внутри всё сжимается от беспомощности и унижения.

Я помню до сих пор свою учебу… Ненавижу всей душой, но забыть не могу. Да, я была классической жертвой буллинга, но… не позволила себе пойти по рукам, в попытках наладить свое положение… Бедная? Да! Зато честь на месте! Деньги можно заработать, а вот репутацию… Раз потерял и все… Пиши пропало.

— А как тебе твой первый парень? Вспоминаешь его в своих влажных фантазиях? — издевательски улыбается он. — Ну тот, который поспорил с друзьями, что заставит твой ротик открыться около его ширинки? А потом разболтал всем, что ты фригидная, потому что решила ему не отсасывать…

Я сжимаю пальцы в кулаки, до боли в ладонях.

Просто молчи, Настя. Просто молчи…

— Ну и выпускной, конечно, шедевр, — продолжает Марк, словно смакуя каждое слово. — Отвалившийся каблук, бегство со сцены и ржач на всю школу. Классика!

Я чувствую, как по щеке скатывается горячая слеза. Злость и боль переполняют меня так сильно, что хочется разбить экран ноутбука прямо сейчас. Но я не могу… Я не имею права.

— Что, птичка, не нравится правда? — Марк наклоняется ближе, его голос становится ниже и злее. — Понимаю. Правда — она вообще штука неприятная. Ты всю жизнь была тряпкой, которую любой мог вытереть ноги. Такая удобная, тихая… как сейчас. Зато сколько гонора было еще днем… ммм! Песня!

Он смотрит прямо в камеру, взгляд тяжёлый, невыносимый.

— И я тебе вот что скажу, Миронова, — голос его звучит жёстко и уверенно. — Если ты хоть на секунду вздумаешь взбрыкнуть, завтра весь педагогический состав универа будет в курсе твоих нелегальных консультаций. Скрины с твоего аккаунта, учитывая отсутствие диплома и лицензии, мошенничество… А знаешь, что это значит? Отчисление. Позор. Кто там у тебя есть? Бабуленька? Представляешь, как ей будет стыдно за твой косяк? Прощай, мечты о карьере и будущей жизни.

У меня перед глазами плывут чёрные пятна, сердце стучит так быстро, что кажется, я сейчас упаду в обморок.

— Что тты хочешь, Баринов? — едва слышно шепчу я, ненавидя себя за эту слабость.

— Уже лучше… Мне нравится, когда красотки сговорчивы, — удовлетворённо улыбается он. — Вечеринка… Я уверен, что твоя эта кучерявая коза тебя звала. Но ты, дай угадаю, отказалась, верно?

Я молчу, не в силах даже кивнуть.

— У меня есть корректировки. Ты будешь там. Через час, — спокойно и ровно произносит он. — И чтобы я видел, за что плачу. Стоишь ты, как элитная эскортница, так-то! Отрабатывай, киска. Надень что-нибудь нормальное. Без бабкиных кофт и прочего мусора.

Я сжимаюсь, как от удара.

— А, чуть не забыл, — добавляет он лениво, чуть улыбнувшись. — Нижнее бельё - красное. Проверю лично. Ослушаешься - тебе результат не понравится.

Экран резко гаснет, оставляя меня наедине с чёрным прямоугольником.

Сижу, не в силах пошевелиться. Слёзы катятся сами по щекам, а я даже не пытаюсь их вытирать.

Что мне делать? Что…

Тут резко пищит телефон. С незнакомого номера всплывает сообщение:

«Тик-так, Миронова.»

Я смотрю на эти буквы, чувствуя, как внутри всё обрывается окончательно.

Глава 6

Настя Миронова

Что делать?! Божечки-кошечки!

Я мечусь по комнате, как загнанная зверушка, пытаясь хоть как-то собрать разбегающиеся мысли в одну логичную цепочку.

Сердце долбит в ушах так, что слышу каждый удар. Пальцы трясутся, ладони липкие от пота.

Убить его мало… Ублюдок! Наглый, самодовольный, зажравшийся! Какого хрена он вообще себе позволяет?! Почему такие, как он, уверены, что могут рушить чужие жизни одним щелчком пальцев?!

Злость переполняет, мешаясь с таким животным страхом, что я едва дышу.

Что будет, если я не приеду?!

Я замираю на секунду, хватая воздух ртом.

Я прекрасно знаю, что будет… Тут не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы знать свои перспективы…

В голове сразу всплывают картинки — деканат, скрины, отчисление, репутация на нуле, слезы бабушки, её осуждающий взгляд. Это конец всему, ради чего я столько работала и терпела! Да я почти уверена, что этот гад сделает все, чтобы меня не взяли на работу даже полы помыть в соседней кофейне!

Он не пожалеет меня. Этот гаденыш пойдёт до конца. Если его самолюбие задето прямо пропорционально его неуемному эго, то он ни за что не оставит меня просто так в покое. Такие, как он, мстят жёстко и больно.

Телефон пищит, и я подпрыгиваю на месте от испуга.

Лизка…

«Не игнорь меня, кот!»

Боже… От нее уже с десяток непрочитанных сообщений... Она же сюда явится и мне придется еще и это бабушке объяснять!

Дрожащими пальцами набираю сообщение:

«Приглашение ещё в силе?»

Ответ почти сразу:

«Ты серьезно?! Я уже к тебе еду! Выгрызать тебя из лап бабули!»

А вот это ты зря… Быстро строчу ей короткое смс, что выйду через десять минут, чтобы она ждала в машине. Подробности — потом, если вообще решусь рассказать. Лиза отвечает коротко: «Ок».

Всё. Мосты сожжены.

Теперь самое страшное. Бабушка…

Как мне вообще отпрашиваться на вечеринку?! Она на дух не переносит любые гулянки и всегда относилась к этому как к чему-то грязному и неприличному. На все мои робкие попытки возразить, что личную жизнь где-то надо устраивать, она отмахивалась коротко и резко:

— Я твоего дедушку встретила по дороге в магазин!

Ага. Сейчас, конечно! Вся молодежь на доставках сидит, какой, к чёрту, магазин?! Я не встречу никого по дороге в магазин! Почему? Да потому что никуда не хожу, потому что работаю и учусь круглые сутки!

Господи, придётся снова врать… Сколько можно?! Я ненавижу это дело всей душой, поэтому делаю это откровенно паршиво, но с момента, как в моей жизни появился Баринов, делаю это всё чаще и чаще.

Подхожу к двери спальни, чувствуя, как холодеют ладони и дрожат ноги. Сердце колотится, будто я готовлюсь прыгнуть не в коридор, а сразу в ледяную воду.

Глубоко вдыхаю, выдыхаю и распахиваю дверь, мысленно готовясь к казни.

— Бабуль, мне срочно нужно уйти! — тараторю я с порога, стараясь выглядеть максимально убедительно. — Татьяна Николаевна позвонила, ей плохо стало… Заболела она, а завтра едет на обследование куда-то в другой город! А результаты тестов, которые я целых полгода готовила, у нее на руках остались! Понимаешь?

Боже, что я несу… Какое обследование?! Из Москвы в глушь, чтобы проверить здоровье… Ага!

Бабушка молча смотрит на меня поверх очков, подозрительно прищурившись. В её взгляде ясно написано, что верит она мне примерно так же, как в Деда Мороза и идеальных мужчин одновременно.

— Прямо сейчас? — уточняет она, с тяжёлым вздохом глядя на часы. — В девять вечера? Ты серьезно?

— Да! Она завтра утром уезжает, а без этих результатов всё зря! Мне нужно буквально на час, не больше. Лизка подвезёт, она сейчас как раз катается по району и заедет за мной.

При упоминании Лизы бабушка мрачнеет ещё сильнее, плотно поджав губы.

Терпеть она её не может. Всегда считала взбалмошной, избалованной и совершенно не той компанией, которая мне нужна. Сколько раз я слышала одно и то же: «Этой твоей Лизке всё родители на блюде приносят, а ты свою судьбу сама выгрызаешь!»

— Опять Лиза… — начинает она привычно, с неодобрением качая головой.

— Бабуль, пожалуйста! — взмаливаюсь я, торопливо натягивая джинсы прямо в прихожей. — Давай не будем снова заводить эту пластинку! Я быстро, туда и обратно. Час, не больше! Сама ведь знаешь, ночью я на метро не поеду, а Лиза просто мимо едет…

Она снова вздыхает так тяжело, что меня мучительно колет совесть. Бросает тревожный взгляд в сторону гостиной, где Мишка, уютно устроившись на диване, смотрит мультики. Моё сердце болезненно сжимается, когда она тихо произносит:

— Ты же понимаешь, что он привык, чтобы его ты укладывала? А завтра утром мне рано вставать и везти его на процедуры… Привычки сейчас важны.

— Я знаю, бабуль… — шепчу я, чувствуя себя последней дрянью, и стараюсь не встречаться с ней взглядом. — Я быстро. Честно.

Бабушка ещё секунду колеблется, затем коротко машет рукой:

— Ладно, поторопись уж. Но помни, я не лягу, пока не вернёшься.

— Спасибо! — Я чмокаю её в щёку, чувствуя, как её неодобрительный взгляд буквально буравит мне спину, хватаю с крючка толстовку, куртку и практически выбегаю за дверь, чтобы не видеть больше её глаз.

На вечеринке я не задержусь ни секундой дольше, чем необходимо. Покажусь Баринову, помашу ручкой и… пусть идёт… кхм… лесом! Часа как раз хватит, чтобы выполнить его требование…

Я явилась? Да. Отвали моя черешня!

Вылетев из подъезда, едва не сшибая на бегу парочку неспешно прогуливающихся бабушек и наскоро извинившись, бросаюсь к нагло припаркованной прямо у входа машине Лизки.

Подруга с видом королевы возлежит за рулём, одной рукой небрежно барабаня по рулю, второй — зависнув в телефоне. Увидев меня, она счастливо визжит на всю улицу так, что у меня едва не закладывает уши.

— Настька! Боже, ты решилась! — визжит она на ультразвуке, дёргая меня за рукав куртки, едва я успеваю забраться внутрь.

— Тише! — шикаю я на неё, машинально улыбаясь. — Я на час, не больше!

Лизка выпучивает глаза так, словно я предложила ей покататься по МКАДу на велосипеде.

— Ты с ума сошла?! Всего час?! Кто на гулянки на час приезжает?! И вообще.. в чем ты одета?!

— Бабушка, — отрезаю я коротко и закрываю дверь. Этим словом сказано всё. — И мне плевать во что я одета!

Конечно, лукавлю… не плевать. Но и выбора у меня нет. Нарядиться в платье, чтобы съездить за результатами теста к куратору? Серьезно!?

Лиза поджимает губы, что-то бурчит себе под нос, но всё-таки заводит машину и выезжает со двора.

Вечером, по практически пустой Москве, мы долетаем до Машкиного дома за каких-то двадцать минут. Я невольно задерживаю дыхание, разглядывая открывшуюся картину. Дом Машки — это огромный особняк в элитном районе, окружённый высоким забором и охраняемый мрачными дядьками с холодными глазами. Видимо, они тут, чтобы молодежь не перебивала друг друга…

Ворота распахнуты настежь, как приглашение на королевский бал. Правда, королевский бал явно вышел из-под контроля: во дворе и на газонах, вопреки всем правилам приличия, стоят десятки машин — дорогущих, блестящих, вызывающих. Я вообще не представляю, как всё это умудрилось сюда поместиться!

Выбираясь из Лизиной машины, я пытаюсь собраться с духом, но тут же спиной чувствую чей-то тяжёлый, пристальный взгляд. У меня внутри всё холодеет, интуитивно понимая, что это ОН. Чёрт, как же я его ненавижу… и боюсь. Злость и страх смешиваются в такую гремучую смесь, что мне становится тяжело дышать.

Сглотнув тугой комок в горле, медленно поворачиваюсь и смотрю вверх, в сторону огромного балкона, нависающего над входом. Баринов стоит там, спокойно облокотившись о перила и разглядывая меня с высоты своего превосходства.

Самодовольная улыбочка буквально расползается по его наглой морде, он демонстративно поднимает руку, смотрит на часы, словно проверяя мою пунктуальность, а затем показывает мне жест «класс».

Лицо мгновенно заливает краской от унижения и… бешенства. Да! Психолог не всегда спокоен! Я такой же человек!

Но Баринов на этом не останавливается, пальцем призывно подзывает меня к себе, даже не сомневаясь в том, что я подчинюсь.

— Настя, что происходит? — Лиза вопросительно выгибает брови, переводя взгляд с меня на балкон.

— Ничего не говори! — зло рявкаю я на неё, сама удивляясь ярости, звенящей в собственном голосе.

Подруга потрясённо таращится на меня, будто только что узнала, что я серийная убийца.

Я глубоко вдыхаю, игнорируя её шокированный взгляд, и решительно шагаю к дверям дома. Нужно найти лестницу, нужно как-то туда подняться, нужно…

Меня начинает слегка подташнивать от страха и беспомощности. С каждым шагом ноги словно ватные, дыхание сбивается, а сердце отчаянно колотится, грозя вырваться из груди.

Стойкое ощущение, что я поднимаюсь не на балкон, я шагаю стройным маршем прямо в пасть к медведю!

Что вообще сейчас творится в моей голове — одному Богу известно!

Страх, паника, злость, желание разорвать Баринова пополам… Я всё ещё не верю, что вообще иду на это!

Хватаю за локоть какую-то девчонку, что стоит у лестницы и залипает в телефон.

— Балкон где?!

Она поднимает голову, хлопает ресницами, и машет рукой:

— Наверх, потом направо…

Я бросаюсь к лестнице, судорожно цепляясь за перила, чтобы не рухнуть прямо здесь. Внутри всё дрожит так, будто меня только что вытащили из ледяной проруби. Страх почти осязаем, он в горле, в животе, в кончиках пальцев…

И вот я уже наверху, вижу распахнутые двери на балкон… и застываю на месте.

Потому что Баринов там не один.

Ну конечно, зрители! Как же без этого… Я же унизила его публично, теперь он хочет отыграться.

Гад! Подонок!

У меня была просто дурацкая шутка, а он… он просто решил растоптать меня, да ещё и прилюдно! Для него же я всего лишь замарашка… мышь!

В груди жжёт от ненависти и стыда, а время несётся так быстро, что я едва успеваю сделать вдох, прежде чем распахнуть дверь и шагнуть на балкон.

Холодный, морозный воздух мгновенно жалит лицо, заставляя кожу гореть. Вокруг почти моментально повисает тишина. Все взгляды сразу устремляются на меня, пронзая насквозь. Я едва держусь на ногах от страха и унижения, но заставляю себя поднять голову.

Он смотрит прямо на меня. Спокойно. Самодовольно. Облокотившись на перила, словно это его личная трибуна, с которой он смотрит на свою очередную жертву. Идеально уверенный в себе и своей полной власти надо мной.

Психопат!

Кто-то рядом хихикает, явно готовясь к представлению.

— Все вон, — вдруг лениво бросает Баринов.

Я не сразу понимаю, что он говорит всерьёз. Остальные тоже, потому что начинают что-то возмущенно бормотать. Но он повторяет так холодно и жёстко, что всем сразу становится ясно:

— Я сказал — все вон!

Разочарованное ворчание, шёпотки, и через несколько мгновений на балконе остаёмся только мы двое.

Он и я.

Хищник и его добыча…

Я чувствую, как сердце начинает грохотать в груди так сильно, что становится больно.

— Ну что, — медленно улыбается он, не отводя взгляда. — Демонстрируй.

— Что? — хрипло шепчу я, едва выдавливая слово из пересохшего горла.

— Красное бельё, — с издёвкой напоминает он. — Я жду. Ты пунктуальна, но это я и так знал… Ты же книжный червь, заучка. Жалкая и серая, которая ничего не умеет, кроме как зубрить. А вот с покладистостью у тебя явные проблемы. Хотя знаешь…

Он делает шаг ко мне, и меня накрывает такая волна отвращения и ненависти, что начинает трясти.

— Не надо, — тихо улыбается он. — Я сам проверю.

Что-то внутри меня резко, болезненно ломается. Я никогда не испытывала такой ярости и бессилия одновременно.

Внутренний голос кричит, что нельзя с ним воевать, что будет только хуже, но я его почти не слышу, потому что перед глазами стоит только его мерзкая улыбка.

Я не выдерживаю.

В какой-то момент краем глаза замечаю тяжёлую стеклянную пепельницу на столике рядом с перилами. И мгновенно, повинуясь какому-то слепому инстинкту, я бросаюсь к ней, хватаю и в одно движение оказываюсь у перил.

Парковка перед глазами сразу же превращается в зону поиска…

Нашла!

Доли секунды на все… тяжелое дыхание за моей спиной, опаляет мне затылок… В ноздри мгновенно проникает уже знакомый аромат парфюма Баринова, а на талию ложатся его лапищи…

А я… размахнувшись со всей силы, швыряю пепельницу прямо в лобовое стекло… его порше.

Глава 7

Настя Миронова

— Тебе пиздец, Миронова! — рычит он, и прежде чем я успеваю хоть что-то сообразить, сильные руки хватают меня за талию, подбрасывают вверх, словно я ничего не вешу, и резко закидывают на плечо.

— Отпусти! — визжу я, брыкаясь и молотя его по спине маленькими, никому не страшными кулачками. — Баринов, отпусти немедленно! Ты не имеешь права!

— Заткнись, — огрызается он, шагая вперёд так, будто вообще не замечает моего сопротивления. Сильная ладонь уверенно и нагло шлепает меня по пятой точке, заставляя сжаться от ужаса…

Меня даже родители не наказывали! Падла мажористая!

Щёки мгновенно заливает краской унижения и злости. Я пытаюсь снова дёрнуться, но… ага! Кто бы меня еще отпустил! Тут же ведь не руки, а стальные тиски, а тело словно состоит из бетона!

Он тащит меня куда-то через толпу людей, не обращая внимания на окружающих, будто это нормально, будто каждый день по университету носят на плече сопротивляющихся девушек!

Кто-то вокруг громко улюлюкает, кто-то отпускает грязные шуточки, от которых меня буквально тошнит.

Господи, как же унизительно…

Я задыхаюсь от злости и страха одновременно, не в силах понять, куда он вообще меня тащит и что собирается делать. Мысли скачут в голове одна за другой, и ни одна не сулит ничего хорошего…

Скинет с лестницы? Засунет в какой-нибудь подвал, чтобы никто не услышал, как он меня будет убивать? Или потащит прямо к своей дорогущей тачке и надаёт по заднице там, у всех на глазах?!

От этого психопата можно ждать чего угодно!

Господи, зачем я вообще это сделала? Зачем кинула эту чёртову пепельницу?! Как я могла так глупо потерять контроль?

Я снова пытаюсь вырваться, но тут же получаю очередной шлепок и угрожающее рычание Баринова:

— Ты так дергаешься, птичка, словно хочешь, чтобы я начал прямо тут.

Начал ЧТО?!

От его голоса по коже бежит холодок, и я на секунду затихаю, чувствуя, как он уверенно шагает по лестнице куда-то вниз. Запах его парфюма снова заполняет мои лёгкие, от него кружится голова, вытесняя любые другие ароматы и даже здравые мысли.

Дверь с грохотом распахивается, затем захлопывается за нами, отрезая нас от чужих глаз и любых попыток сбежать.

Внутри становится темно, душно и жутко.

— Баринов, отпусти, пожалуйста… — жалобно шепчу я, но он внезапно снова подбрасывает меня, ставя на пол, отчего я пошатываюсь и чуть не падаю.

Секунду спустя вспыхивает яркий свет, от которого приходится зажмуриться и отвернуться. Эта короткая заминка стоит мне слишком дорого: его пальцы резко и бесцеремонно дергают за плечо мою старенькую куртку, и я слышу отчётливый, болезненный треск ткани.

Ну всё… пипец котёнку! Это была моя единственная куртка…

Но он даже не даёт мне возможности это осмыслить: сильные руки снова хватают меня за талию, подбрасывают вверх и буквально швыряют спиной на мягкую поверхность.

Кровать? Диван?

Не успеваю понять, как сверху тут же нависает Баринов — огромный, злой как чёрт, глаза темные и почти безумные от бешенства. Даже венка на его лбу опасно надулась, а взгляд прожигает насквозь.

— Мамочки… — тихо шепчу я, осознавая, что двигаться уже невозможно: меня полностью придавило его тяжёлым, горячим телом.

И от понимания этого, в груди нарастает паника, заглушая остатки здравого смысла.

Я лежу, не в силах пошевелиться. Дышу часто, прерывисто. Он навис надо мной так близко, что я почти чувствую, как бешено стучит его сердце. Глухо, мощно. Будто хочет проломить ему грудную клетку и выскочить наружу.

Молчание растягивается, становится невыносимым. Я задыхаюсь от напряжения, чувствуя на себе его тяжёлый взгляд, ощущая жар его тела, смешанный с ароматом парфюма, который кажется уже проник в каждую клеточку моего организма… С этого дня, официально, ненавижу цитрусовые! Любые!

Он просто молчит и смотрит. Так пристально, что я физически не могу отвернуться. Пытаюсь. Хочу! Но будто прижата к кровати силой его взгляда.

Сердце бьётся чаще, паника растёт с каждой секундой.

Я собираю остатки силы воли, тихо зажмуриваюсь и жалобно шепчу:

— Я… я возьму кредит. Отдам всё до копейки. И за стекло, и… за всё остальное. Просто отпусти, Баринов… мы и так уже заигрались…

Но вместо ответа он резко прижимается губами к моим, заставляя меня замолчать. Жёстко, яростно, безжалостно целует так, что перехватывает дыхание и не остаётся шанса на вдох.

Мои руки сами собой начинают толкать его в грудь, я пытаюсь вырваться, но это всё равно что толкать скалу. Он сильнее, жёстче, решительнее. Ладонь без разрешения нагло скользит вниз, жёстко сжимая ягодицу, а вторая впивается в мои волосы, удерживая затылок так, чтобы я даже голову повернуть не смогла.

Я дёргаюсь, отчаянно пытаясь вырваться, но он только рычит и резко сдёргивает с меня толстовку. Ткань летит куда-то на пол, оставляя меня в одной белой футболке — тонкой, беспомощной, словно символизирующей мою полную уязвимость.

— Не смей! — снова пытаюсь крикнуть я, но голос звучит сорвано, беспомощно.

Баринов мгновенно хватает мои руки, ловко заводит их за голову и жёстко прижимает к кровати, полностью обездвиживая меня одним движением. На секунду замирает, глядя прямо мне в глаза — его взгляд тёмный, шальной, полный какой-то дикой ярости, переплетённой с откровенной похотью.

От этого взгляда меня бросает в жар, а в голове будто замыкает провода.

И внезапно он резко отшатывается назад.

— Чёрт… — рычит он, словно опомнившись от своего безумия, и через секунду просто выходит из комнаты, громко хлопнув дверью так, что у меня закладывает уши.

Я лежу, ошарашенная, пытаясь хоть как-то восстановить дыхание и собраться с мыслями.

Что это сейчас было?..

Что вообще происходит?!

А не плевать ли?!

Нужно бежать, срочно!

Подскакиваю с кровати, хватаю с пола свою старенькую куртку и толстовку и почти долетаю до двери, но та распахивается прямо перед моим носом, и я снова оказываюсь закинута на плечо.

— Я тебя не отпускал, Миронова! — рявкает он.

— Хватит меня хватать! — кричу я, колотя его по спине изо всех сил, но толку от этого чуть меньше, чем ноль. — Я тебе что кукла тряпичная?! Псих!

— Кто тут ещё психичка?! — огрызается он и распахивает дверь в соседнюю комнату, почти сразу ставя меня на ноги. — Ты мне тачку расхуярила!

Только вот ставит он меня не просто на пол. Он буквально запихивает меня в душевую кабину!

Меня прошибает ледяной холод от осознания того, что сейчас будет.

— Баринов, не смей! Ты что, совсем чокнутый?! — визжу я, отчаянно пытаясь выбраться.

Но этот гад только улыбается, ловко включает душ, и в ту же секунду на меня обрушивается ледяная вода. Она мгновенно пропитывает футболку и джинсы, прилипая к телу холодной, мокрой тряпкой.

Я захлёбываюсь от шока и холода, зубы начинают отбивать дробь, а этот гад стоит сухой и улыбается, с явным удовольствием наблюдая за тем, как я мучаюсь.

— Баринов, хватит! Отпусти, немедленно! — кричу я, пытаясь проскользнуть мимо него, но он стоит так, словно намертво врос в пол. Я толкаю его, но без толку… монолитный придурок!

— Ты ненормальный! Выпусти меня! — воплю я снова, и тут вода попадает мне в рот и горло, заставляя закашляться и согнуться пополам.

Только тогда он выключает воду, позволяя мне хоть как-то отдышаться. Я стою, вся мокрая и трясусь, словно меня только что вытащили из проруби.

Когда я наконец поднимаю взгляд на Баринова, то буквально застываю на месте. Он смотрит совершенно точно не в глаза…

И тут до меня доходит!

Джинсы насквозь мокрые и облепили ноги, футболка прилипла к телу, совершенно ничего не скрывая. Моя грудь особенно отчётливо прорисовалась под мокрой тканью… вся грудь!

Я прикрываю себя руками, вся сжимаясь от унижения и злости. Хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать невидимой.

— Ненавижу… — хрипло шепчу я, чувствуя, как внутри снова закипает бессильная ярость. — Всем сердцем, слышишь?!

Баринов усмехается, смотря на меня сверху вниз с таким довольным видом, словно поймал добычу.

— И правильно делаешь. Потому что до этого дня ты могла отделаться, раздвинув свои стройные ножки… А теперь… ты мне должна, птичка, — произносит он холодно и уверенно. — До хуя бабла.

Его улыбка становится ещё шире, а голос — ниже и опаснее.

— И теперь ты моя с потрохами, — он делает шаг ко мне, так, что мне некуда деваться. — Отрабатывать как будешь? Бабло не предлагать!

Глава 8

Настя Миронова

— И теперь ты моя с потрохами, — он делает шаг ко мне, так, что мне некуда деваться. — Отрабатывать как будешь? Бабло не предлагать!

Стою, мокрая насквозь, и трясусь как осиновый лист. Холод пробирает до костей, зубы стучат так сильно, что даже не уверена, способна ли сейчас выдавить из себя хоть слово. Но всё это уже не важно. Потому что прямо сейчас передо мной стоит он.

Баринов.

И от того, как он на меня смотрит, в груди всё сжимается в тугой болезненный комок. Он не просто сверлит взглядом насквозь, не просто скользит по мне с интересом или любопытством — он поглощает меня взглядом полностью, словно я источник воды в пустыне, а он путник, умирающий от жажды... Медленно, подробно, будто хочет запомнить каждую деталь: мокрые, спутанные волосы, липнущие к щекам; мои глаза, полные ужаса и растерянности; тонкая, насквозь промокшая футболка, практически прозрачная теперь и не скрывающая совершенно ничего; джинсы, намертво облепившие ноги…

Я сглатываю тугой ком в горле, чувствуя, как меня обдаёт жаром от такого взгляда, совершенно неуместного в этой ситуации. Сердце начинает стучать чаще, дыхание становится прерывистым, неровным, и я едва могу сдержать глупый, жалобный стон, пытаясь хоть как-то скрыть это унизительное ощущение предательства собственного тела.

Ненавижу себя за это! Ненавижу! Но поделать ничего не могу… внутри всё обрывается и куда-то проваливается, потому что я буквально чувствую его взгляд на своей коже, словно это не глаза, а горячие ладони, которые медленно, лениво ласкают меня, заставляя сходить с ума.

Его взгляд останавливается на моих губах, которые я уже искусала в кровь, глаза вспыхивают каким-то странным, пугающим огнём, а потом он снова смотрит мне прямо в глаза.

От его взгляда в груди вспыхивает пожар, разгораясь всё сильнее и сильнее с каждым мгновением. Тот самый огонь, который не обещает ничего, кроме полного, окончательного сгорания. Тот, что даёт высшее блаженство только тем, кто готов добровольно броситься в его пламя, потеряв себя окончательно и бесповоротно.

Я непроизвольно выдыхаю, рвано и шумно, чувствуя, как предательски дрожат губы, и вижу, как Марк мгновенно подаётся вперёд, словно этот звук был для него последней каплей, но тут…

— Какого черта тут творится?! — раздаётся от двери в ванную резкий, громкий голос, и я подпрыгиваю на месте, будто меня ударило током. — Баринов, ты совсем охренел?!

В ванную вихрем врывается Лиза, хватая пачку полотенец и, даже не глядя на Марка, резко отталкивает его плечом в сторону. Он явно этого не ожидал, потому что отступает на шаг назад, давая Лизе возможность мгновенно укутать меня в мягкое, спасительное тепло.

— Ты ебнулся?! Ты что творишь, придурок?! Она же заболеет! — продолжает бушевать Лиза, гневно сверля его взглядом.

Марк мрачнеет буквально на глазах, лицо становится злым, тёмным и опасным. Он смотрит на Лизу, явно собираясь что-то сказать, но ей абсолютно плевать. Она не тушуется перед ним ни на секунду, словно не боится вовсе.

А ей и незачем бояться.

Они ровня.

Брат Лизы, Илья Огнев — лучший друг Марка. Такой же гад, такой же наглый, такой же популярный в универе. Ей, в отличие от меня, совершенно нечего бояться этого придурка.

— Лиз, давай ты…

И тут внезапно звонит телефон. Его звонок врывается в эту напряженную атмосферу, словно резкий удар по натянутой струне, перетягивая всё внимание на себя. В комнате звучит мелодия «Короля и Шута», и у меня внутри что-то болезненно и неприятно сжимается.

Эту группу так сильно любил папа…

Меня словно пронзает насквозь болезненное воспоминание, заставляя на мгновение забыть даже о том ужасе, что происходит прямо сейчас.

Марк молча достаёт телефон из кармана, принимает вызов, и даже не сказав ни слова, резко разворачивается и выходит из ванной, хлопнув дверью так, что мне кажется, будто содрогнулись стены.

В комнате наступает тишина. Только тихо капает вода с лейки тропического душа, а я, словно сломанная кукла, стою и трясусь от холода, страха и какого-то странного, неприятного ощущения пустоты, будто вместе с ним из комнаты ушла часть меня самой.

— Придурок! — зло шипит Лиза вслед ему, а потом, осторожно обнимая меня за плечи, помогает выйти из душевой кабины. Она усаживает меня на кресло, совершенно не заботясь о том, что оно тут же промокает.

— Тут же мокро будет… — с трудом выдавливаю я, пытаясь подавить дрожь, которая после ухода Баринова вдруг усилилась, превратившись в почти неконтролируемую тряску.

— Насрать! — резко отмахивается Лиза. — Господи, Настя, ты же заболеешь, дурочка… Тебя переодеть срочно надо…

— Лиз… — я едва не плачу, чувствуя, как снова накатывает волна паники. — Мне домой надо… бабушка ждёт… я и так дико опаздываю… А тесты… тестов-то нет!

От осознания этого внутри снова всё сжимается в болезненный узел.

Господи, как я сразу-то не подумала?! Что я ей теперь скажу?!

Но пока я лихорадочно соображаю, в комнату буквально влетает Маша, похожая сейчас на настоящую разъяренную фурию.

— Это уже полный пиздец, а не вечеринка! Баринов, скотина… — она на секунду переводит дыхание, а потом резко командует: — Лиз, раздень её немедленно и разотри кожу, а я сейчас принесу нормальную одежду!

Лиза действует мгновенно, так ловко и уверенно, словно она только этим и занималась всю жизнь. Она быстро срывает с меня мокрые шмотки и, даже не замечая моей наготы, начинает тереть полотенцем, растирая кожу до жара. Через несколько секунд мне уже не так холодно, а щеки горят от смущения и какого-то странного облегчения.

Машка влетает обратно со стопкой вещей, громко хлопнув дверью, и вместе с Лизой они оперативно натягивают на меня тёплый, мягкий спортивный костюм на флисе прямо на голое тело.

Я сижу и молчу, чувствуя, как внутри всё ломается от нахлынувших эмоций. Но отчётливее всего я почему-то вспоминаю взгляд Марка, прямо в тот момент, когда Лиза кутала меня в полотенца. Я могла бы поклясться, что видела в его глазах сожаление. Настоящее, искреннее, пусть и на мгновение, но сожаление.

Внутренний голос настойчиво бухтит, что это просто глупые фантазии. Что такие, как Марк Баринов, не умеют жалеть ни о чём и ни о ком.

Но я почему-то не могу избавиться от ощущения, что нет… Мне не показалось.

Он действительно пожалел о том, что сделал. Ну или у меня уже бред?..

Спустя пять минут, я тихонько топаю между Лизой и Машей, позволяя им буквально прикрывать меня от взглядов любопытствующей толпы. Девчонки уверенно рассекают эту пьяную, весёлую, беззаботную толпу, а я просто позволяю себя вести, не имея ни малейших сил на сопротивление. Сейчас единственное, чего я хочу, — это как можно быстрее оказаться дома и забыть обо всем, что произошло этой проклятой ночью.

Оказавшись на улице, Лиза быстро заталкивает меня в машину и сама тут же запрыгивает на водительское кресло, мгновенно заводя мотор.

Я дрожу, хотя уже не от холода. Тело раскалено так сильно, что кажется, вот-вот загорится. То ли от того, как меня яростно растирали полотенцами, то ли от тех мыслей и воспоминаний, что никак не отпускают мою голову. Прикосновения его рук, жестокий, горячий поцелуй, тяжёлое дыхание, ощущение, что этот псих готов был сделать со мной что-то, от чего мне становится не просто страшно, а… стыдно горячо.

— Мироныч, — тихо и осторожно начинает Лиза, поглядывая на меня боковым зрением, — может, расскажешь, что вообще это было? Баринов совсем голову потерял?

Я качаю головой и с трудом выдавливаю из себя:

— Лиз, пожалуйста… не сейчас. Я правда не готова. Просто отвези меня домой…

Лиза тут же замолкает, стискивая руль так, что костяшки пальцев белеют. Она кивает молча, и дальше мы едем в практически полной тишине. Только гул мотора и редкие звуки улицы нарушают наше молчание. Я ощущаю себя выжатой до капли, и при этом почему-то снова и снова ловлю себя на том, что бессмысленно смотрю в окно и вижу перед собой взгляд Баринова. И от этого снова становится не по себе.

Он же псих… ненормальный мажор, который привык к вседозволенности. Почему я вообще реагирую на него? Что за бред со мной происходит?

Машина мягко останавливается около моего подъезда, и Лиза, перегнувшись через сиденье назад, вытаскивает какие-то папки и протягивает мне:

— Вот… это, конечно, не твои результаты, но хотя бы домой не с пустыми руками придёшь.

Я благодарно беру папки и смотрю на подругу.

— Спасибо тебе огромное, Лиз… правда, я бы не справилась сегодня без тебя…

— Настя, пожалуйста, позвони мне завтра, ладно? — взволнованно перебивает она. — Нам точно нужно поговорить!

Я снова киваю, пытаясь унять дрожь в голосе:

— Постараюсь…

Лиза хмурится и вдруг очень серьезно добавляет:

— Если ты не позвонишь, я сама приеду. Да, я знаю, твоя бабушка терпеть меня не может, но мне важно знать, что ты в порядке, слышишь?

Она внезапно замирает и пристально смотрит на меня, голос её становится жестким и тревожным:

— Ты в порядке, Настя? Он ничего… не сделал тебе?

Я ловлю её руки своими, стараясь выглядеть убедительно:

— Всё нормально, Лиз… правда. Спасибо тебе ещё раз. Я позвоню завтра, обещаю.

Подруга шумно выдыхает, будто скидывая груз с плеч, и кивает, позволяя мне выйти из машины.

Я целую её в щеку, затем хватаю свою несчастную разорванную куртку и поспешно направляюсь к подъезду, в голове судорожно перебирая оправдания для бабушки.

Что я вообще ей скажу? Как объясню, что произошло? Куда делась моя одежда? Почему я вернулась так поздно, мокрая и чужая одежда на мне?

Боже… какой позор!

Но едва я переступаю порог квартиры, меня удивляет тишина. Осторожно заглянув в гостиную, вижу, как бабушка мирно дремлет в кресле перед телевизором, а рядом на диване сидит Мишка, увлечённо смотрящий мультики. Едва завидев меня, он тут же вскакивает и бросается мне на шею, крепко-крепко обнимая.

— Настя! — шепчет он, утыкаясь носом в мою щеку. Я с трудом сдерживаю слёзы облегчения и прижимаю его к себе, целуя в макушку.

— Мой хороший… бабушка давно спит?

— Давно… А мы когда спать пойдем?

Я улыбаюсь ему, стараясь скрыть тревогу, и тихо отвечаю:

— Уже идём, малыш. Давай зубы чистить и спать.

Следующие полчаса проходят в успокаивающей, привычной рутине. Пока Мишка укладывается, я читаю ему его любимую сказку, чувствуя, как постепенно уходит напряжение и страх. Когда он засыпает, я тихонько целую его в лоб, поправляю одеяло и выхожу, осторожно прикрыв дверь. Бабушка уже ушла в свою комнату, и я, слава богу, избегаю её допросов. По крайней мере, до утра…

Вернувшись в свою комнату, я быстро снимаю с себя чужие вещи, переодеваюсь в привычную пижаму и, сев перед зеркалом, расчесываю волосы, заплетая их в длинную косу. Взгляд невольно падает на шею, где красуется чёткий, крупный засос.

Боже… какое позорище…

В собственных глазах, которые смотрят на меня из зеркала, я вижу лишь усталость и грусть… и они почему-то кажутся мне гораздо глубже, чем обычно.

Так, Настя, хватит! Побесится и перестанет. Потребует возместить — возмещу! Правда, не представляю как, но всё решаемо. Главное — не сдаваться.

Глубоко вздохнув, я выключаю свет, забираюсь в постель и натягиваю одеяло до самого подбородка, пытаясь унять бешеное сердцебиение и забыться сном, как вдруг…

Пилик!

Я подскакиваю, словно меня ударило током, хватая телефон, и вижу сообщение.

«Зачисление…»

Что?! Сколько?!

От увиденной суммы у меня перехватывает дыхание.

Это в разы больше, чем я обычно получаю за несколько консультаций! Мозг судорожно перебирает варианты, пытаясь понять, как такое возможно. И тут до меня резко доходит…

Баринов закрыл консультацию. Он закрыл и оплатил нашу чёртову консультацию, во время которой заставил меня приехать на вечеринку!

Зачем? Что он этим хотел сказать? Это насмешка? Унизить меня ещё сильнее? Или это для того. чтобы сделать из меня рабыню?..

Я сижу на кровати и смотрю на экран, совершенно ошарашенная, не зная, что чувствовать: радость, облегчение или… гнев?

Что происходит, чёрт побери?

Глава 9

Настя Миронова

Как уснула, не помню вообще… Я еще долго сжимала в руках свой старенький смартфон, не веря своим глазам, что получила оплату за свои мучения… Вопрос в том, чего мне это будет стоить…

Ответ напрашивался сам собой, но я старалась отметать его, как и мысли с фантазиями, которые словно по заказу, наваливались скопом, стоило только вспомнить лицо Баринова.

А утром… я проснулась от мерзкого, настойчивого звонка будильника, который, кажется, ввинчивается прямо в мозг и сверлит там с особой жестокостью. Голова болит так сильно, словно кто-то решил испытать на ней свой новый перфоратор. Боль растекается по вискам, собирается где-то в затылке, разрывает голову на части. Я пытаюсь открыть глаза, но тут же зажмуриваюсь снова, потому что мир мгновенно погружается во мрак и начинает кружиться.

— Господи, — стону я, хватаясь за голову и с трудом пытаясь сесть на кровати. — Да что это такое?!

Телефон продолжает настойчиво трезвонить, и я слепо шарю рукой по тумбочке, чтобы прекратить эту пытку. Но не рассчитав силу и расстояние, телефон с грохотом падает между стеной и батареей, мгновенно проваливаясь в труднодоступную щель.

— Твою мать… ну не сейчас же!

С трудом свешиваюсь с кровати, чувствуя, как все вокруг снова пытается поменяться местами друг с другом, и кое-как сползаю на холодный пол. Рукой удаётся нащупать телефон лишь спустя пару мучительно долгих минут, и наконец воцаряется благословенная тишина.

Я опираюсь лбом о край матраса, закрываю глаза и стараюсь дышать ровно и спокойно.

Давно такого не было… Когда-то мигрень буквально преследовала меня, но уже несколько лет я почти не вспоминала о ней. До сегодняшнего дня.

— Ну за что, а? Почему именно сегодня? — жалобно спрашиваю я вслух у пустой комнаты, тщетно пытаясь растереть пальцами пульсирующие виски.

Силой воли заставляю себя подняться на ноги и осторожно топаю в ванную. Нужно срочно привести себя в порядок и заглушить эту адскую боль таблетками, иначе день будет безнадёжно испорчен. Умываюсь ледяной водой, которая ненадолго освежает мысли и облегчает страдания. Таблетки пью прямо из-под крана, не обращая внимания на вкус зубной пасты, всё ещё остающийся на языке.

Спустя минут пятнадцать боль начинает потихоньку отпускать, и я наконец поднимаю глаза на своё отражение в зеркале. Оттуда на меня смотрит какая-то пародия на человека: глаза красные, лихорадочно горящие, под ними тёмные мешки, лицо бледное и измученное, а нос подозрительно красный. Стоит ли говорить, что в горле уже что-то отвратительно чешется, а из носу вот-вот начнет водопад?!

— Ну просто пипец… заболела! — обречённо констатирую я очевидное.

Судя по времени, бабушка с Мишкой уже уехали в больницу, и я тихо радуюсь лишним нескольким часам покоя. Да и воможности заехать в аптеку и взять хоть какие-т олекарства… Мишке ни в коем случае нельзя болеть! Надо максимально изолировать от себя брата!

Правда, универ никто не отменял, и пропустить зачёт я точно не могу. Мало того, что надо написать несколько отчетов, за которые мне, между прочим, платят половину ставки, а еще… появиться на лекции. Некоторые из преподавателей ставят «автомат», если есть стопроцентная посещаемость! И я уж точно не могу позволить себе лишиться шанса облегчить себе жизнь хотя бы в учёбе.

Нехотя натягиваю чёрные брюки, тёплый шерстяной свитер с высоким горлом, закидываюсь очередной порцией аспирина и, кое-как собрав сумку, выхожу в прихожую.

Куртка, разодранная вчера Бариновым, сиротливо висит на вешалке. Придётся доставать осеннее пальто. Да, в январе холодновато, но выбирать не приходится. Куртку-то я так и не зашила, а пальто — единственное, что ещё можно надеть. Да ничего, добегу до метро, там буквально пару кварталов — не замёрзну.

Плотно завернувшись в шарф, натянув на голову шерстяную шапку и тихо проклиная на чём свет стоит всё, что произошло вчера вечером, я выхожу на улицу и тут же замираю на месте, словно врезавшись в невидимую стену.

Потому что прямо перед моим подъездом стоит огромный, блестящий чёрный внедорожник. А к нему, словно сытый и ленивый кот, который вышел прогуляться по собственному двору, прислонился не кто иной, как Марк Баринов собственной персоной!

Увидев его, первой и самой логичной мыслью было резко развернуться и сбежать обратно домой, закрыться на все замки и притвориться мёртвой. Но стоило мне только дернуться, как в висках тут же снова вспыхнул адский спазм, заставляя меня болезненно зажмуриться и застыть на месте, пережидая очередной приступ мигрени.

Видимо, он расценил моё поведение по-своему, потому что лениво оттолкнулся от машины и направился ко мне — медленно, уверенно, будто в мире не существовало никого и ничего важнее него самого.

Наглый, самоуверенный, невыносимый засранец!

Чёрное драповое пальто, которое явно стоило примерно как капитальный ремонт всей нашей квартиры вместе взятой, идеально сидело на его широких плечах, подчёркивая высокий рост и атлетичную фигуру. Под ним виднелась идеально белая рубашка с расстёгнутыми верхними пуговицами и тонкий кашемировый свитер глубокого винного цвета. Тёмные брюки и дорогущие кожаные ботинки идеально завершали картину. Даже издалека было видно, что этот ублюдок одет так дорого, что мне и за год таких денег не заработать.

Сердце стучало как бешеное, а в голове снова забилась мысль — ну почему именно сейчас, почему именно сегодня, когда я похожа на бледную поганку и едва держусь на ногах, он решил снова появиться и лишний раз напомнить о себе? Не хватило довести меня до такого истощения морального и физического, что у меня даже иммунитет сдох страшной смертью?!

Я судорожно сглатываю ком в горле и жду, пока он приблизится, пытаясь держать себя в руках. Но с каждым его шагом страх и какое-то неясное, раздражающее чувство любопытства смешиваются во мне в опасный коктейль.

— Ну привет, птичка, — усмехается он, останавливаясь напротив меня так близко, что я чувствую аромат его парфюма и едва удерживаюсь, чтобы не отступить назад.

Я резко отвожу взгляд, чувствуя, как снова заливаюсь краской стыда, ненависти и злости.

— Что тебе нужно, Баринов? — стараюсь звучать холодно и уверенно, хотя голос слегка подводит, дрожит и выдаёт моё истинное состояние.

Он чуть прищуривается, пристально меня рассматривая, а потом тихо, почти ласково произносит:

— Видок у тебя, конечно, не очень… Но! Я решил лично сопроводить тебя на учебу, чтобы не вздумала попытаться меня избежать.

— Тебе мало вчерашнего?! Я из-за тебя заболела! — фырчу я, делая непроизвольно шаг назад. — Заражу тебя и как ты будешь допекать весь универ?

— Зараза к заразе не липнет, — улыбается он своей идеально ровной и белоснежной улыбкой. — В машину садись, Миронова. Нам надо поговорить.

— И о чем?!

— О том, как ты будешь отдавать мне долг. Я нашел идеальный вариант! — и на мою скептически выгнутую бровь, Баринов мгновенно добавил. — Идеальный для меня!

Глава 10

Марк Баринов

— Тебе пиздец, Миронова…

Эта фраза до сих пор звучит в моей голове. Долбит в висках, сверлит мозги, не отпускает. Я жму зубы так, что сводит челюсть, и ловлю себя на том, что у меня трясутся руки от бешенства.

От ярости, смешанной с какой-то дикостью, которая раньше была мне абсолютно незнакома.

До сегодняшнего дня я даже представить не мог, что кто-то способен меня так вывести.

Особенно девчонка. Тем более такая — серая, тихая, никому не интересная зубрила, которая даже говорить нормально не умеет, а только краснеет и заикается, глядя в пол.

И эта мелкая дрянь посмела публично унизить меня.

Меня!

Марка Баринова, перед всей аудиторией выставить идиотом, над которым угорали так, что я готов был снести пол-корпуса, лишь бы заткнуть эти рты.

«Кулачком поработай…»

Эти её слова снова и снова эхом проносятся в голове, вызывая прилив глухой, почти животной злости. Да кто она такая вообще?! Как посмела даже подумать, что ей можно разговаривать со мной в таком тоне?!

Тогда в аудитории я хотел просто поставить её на место. Показать, что бывает с теми, кто смеет мне перечить. Я думал, ей хватит одного раза. Одного жёсткого урока, чтобы эта серая мышь навсегда закрыла рот и больше не вякала.

Достаточно было смириться… сдаться, как делают это все вокруг и все было бы гораздо проще… Но нет же! Надо было оголить зубки и показать характер.

Когда я влетел в её кабинет, когда прижал её к столу, чувствуя под пальцами мелкую дрожь её тела, что-то пошло не так.

Совершенно не так, как я рассчитывал.

Я собирался её напугать. Просто поставить точку и забыть. Но стоило мне только приблизиться, только вдохнуть запах её волос, почувствовать её тёплую кожу под ладонью, как у меня в голове будто закоротило провода. Меня перемкнуло так резко, так неожиданно, что я сам охренел от того, что со мной творилось.

Меня накрыло желанием — злым, яростным, совершенно неуместным. Я целовал её грубо, почти жестоко, сжимая руки за спиной, чувствуя её страх и… чёрт подери, это меня только заводило сильнее. Это ломало голову, потому что так не должно быть.

Миронова мне не ровня. Я таких даже взглядом не удостаивал. У меня были десятки красоток, готовых ради меня на всё, лишь бы получить пару часов моего внимания. Я не помню их имён, не помню лиц, но помню, как легко они давались. Как сами подставляли губы, раздвигали ноги, смотрели с восторгом и готовностью исполнить любое моё желание.

Но эта — нет. Эта — не такая. Она сопротивлялась, дрожала, пялилась на меня с такой ненавистью, что становилось не по себе.

Она не уступала. Не сдавалась. Не позволяла мне то, что я всегда считал своим!

И меня от этого выносило окончательно.

Когда её губы дрогнули под моими, когда она перестала дышать, я понял, что всё это зашло слишком далеко. Что я уже не контролирую происходящее, что мной движет не желание её наказать, а что-то совершенно другое. Неправильное. Безумное.

В тот самый момент дверь кабинета распахнулась, влетел Огнев и крикнул:

— Шухер!

Это меня отрезвило. Я оторвался от неё так резко, что на секунду увидел её испуганный взгляд — растерянный, полный слёз, отчаянный… и снова почувствовал, как меня накрывает волна чего-то дикого и необъяснимого.

Меня тогда вытащили буквально за шкирку, уводя от соблазна остаться и довести начатое до конца, несмотря на последствия.

И вот теперь этот урод стоит рядом со мной, подпирает плечом стену, смотрит с ухмылкой и думает, что имеет право надо мной стебаться.

— Чё, братан, перегнул палку? — усмехается Илья, качая головой. — Это чё вообще сейчас было? Я думал, ты просто попугать её зашёл. Ты там её чуть на куски не разорвал.

Я молчу, глядя куда-то поверх его плеча, чувствуя, как внутри снова закипает что-то, от чего сносит башню.

— Или, может, тебя наконец зацепило, а? — продолжает он, явно наслаждаясь моментом. — Смотри, а то корона ебаря-террориста упадёт.

Я резко поворачиваюсь к нему и смотрю так, что он тут же затыкается.

— Огнев, не еби мне мозги, — говорю я холодно и медленно. — Напомнить тебе, как тебя самого рыжая заноза уже месяц как за яйца держит?Вот как сам покажешь пример, так и будешь меня лечить.

Илья замолкает на полуслове, потом резко поворачивает голову куда-то в сторону. Я вижу, как он замирает, напряжённый, словно только что получил током.

Я прекрасно знаю этот взгляд. Так смотрят на тех, кого не могут выкинуть из головы, сколько бы не пытались.

— Бля… — выдыхает он тихо. — Я погнал.

Хлопнув меня по плечу, он срывается с места и исчезает в толпе так быстро, будто ему дали под зад.

Я усмехаюсь, глядя ему вслед, и перевожу взгляд туда же.

Конечно. Рыжая. Стоит, улыбается какому-то додику, ничего не подозревая о том, что творится у Огнева в голове. А он не любит делиться… даже просто вниманием!

Короче… не ему, чёрт возьми, меня учить жизни.

Потому что он сам — такой же придурок, как и я. Только я хотя бы пока не превратился в тряпку под ногами девчонки.

Но Миронова…

Я снова стискиваю зубы, чувствуя, как адреналин вперемешку с яростью буквально сжигает меня изнутри. Она не просто посмела отказаться. Она унизила меня. Открыто. Перед всеми. Так, будто я пустое место.

Этого я ей не прощу.

Она сама напросилась. Сама начала эту игру. И теперь я сделаю так, чтобы она пожалела об этом каждую секунду своей жизни.

Я не отступлю.

А вот она… сломается. И тогда уже будет неважно, что я чувствую сейчас. Потому что в конце концов это всего лишь вопрос принципа.

Принципа и моего долбаного самолюбия.

Глава 11

Марк Баринов

Я вылетаю из ванной, хлопнув дверью так, что стены содрогаются. Телефон долбит в ухо голосом Быкова, который явно на грани, чтобы не разнести все вокруг:

— Марк, Огнев в ментовке! Этот придурок снова ввязался в драку, надо срочно его оттуда вытащить. Я бы сам, но встрял в пробку. Давай, отлепись от своей зазнобы и тащи сюда свой зад!

— Блядь, — тихо рычу я в трубку. — Сейчас подъеду, жди.

Отбой.

Хватаю куртку, вызываю такси и вылетаю на улицу, уже почти забыв про свою разбитую тачку, припаркованную перед домом.

В голове мелькает раздраженная мысль: «Пепельницу, сука, кинула! Ну мышь с яйцами, конечно…»

Но от злости быстро переключаюсь на мысли за Огнева. Он, конечно, сам себе на уме, но если опять нарвался на какую-то залупу, то вытаскивать его придётся мне.

Отец Ильи та еще задница. Если узнает про отделение, Огнев потом месяц на больничном отлеживаться будет. Они друг друга явно стоят…

Падаю в такси, коротко бросаю водителю адрес отделения, а сам заваливаюсь на сиденье, стараясь не думать ни о чём.

Но хер там плавал.

Стоит только закрыть глаза, как передо мной тут же возникает её лицо. Мокрые волосы, липнущие к щекам, взгляд — одновременно испуганный и яростный, полные губы, которые так отчаянно целовал, словно в последний раз…

— Блядь, ты серьёзно? — шиплю я себе под нос, сжимая виски пальцами. — Чё за херня с тобой творится, Марк?!

Я реально схожу с ума. Потому что ощущение её тела до сих пор горит под пальцами, запах её кожи словно прилип ко мне, разъедает сознание, мешая думать хоть о чём-то другом. А взгляд… Взгляд вообще отдельная тема.

В нём было столько паники, столько беспомощности и столько… упрямства, что у меня впервые за долгое время шевельнулось что-то похожее на... жалость?

Да не, ну это вообще перебор, Баринов. Тебе не должно быть её жалко, она сама сделала свой выбор, сама нарвалась. С какого момента ты вдруг стал таким сердобольным, что жалеешь сирых и убогих?

Эта конкретная мышь сама же плюнула тебе в лицо при всех, выставила на посмешище, а ты её теперь жалеешь?!

Тошно. От самой мысли, от самого ощущения, что где-то внутри просыпается что-то похожее на чувства.

Ненадежная это субстанция… Как показывает практика, эта ебаная любовь, о которой все так грезят, приносит только дерьмище.

Телефон вибрирует снова — Быков уже ждёт у входа в отделение. Я кое-как переключаюсь с мыслей о Мироновой, вылезаю из машины и быстро иду навстречу другу, чувствуя, как внутри всё клокочет от раздражения и странного, непонятного беспокойства.

Но отвлекаться некогда. Надо вытаскивать придурка Огнева и делать это быстро, пока до его отца слухи не доползли…

Следующие полчаса проходят в напряжении и переговорах с ментами. Не то чтобы Огнев сам не мог разобраться — он-то как раз мог, ещё и половину отделения развалив по пути, но лишний раз привлекать к себе внимание было херовой затеей...

Илья мрачно и зло молчал всю дорогу, когда мы наконец погрузились в тачку Быкова и поехали по домам. Он был злой, напряженный и явно снова на грани того, чтобы кому-то настучать по морде.

Мы с Быковым особо не лезли с расспросами. Нет смысла. Захочет — расскажет. Нет — ну и хер с ним. У всех свои тараканы, а у этого рыжие и с характером.

Едва я захлопываю за собой дверь квартиры, устало стаскивая с себя куртку и ботинки, как снова ловлю себя на мысли, что перед глазами — она. Миронова. Эта дерзкая, мелкая и одновременно такая манящая дрянь, которая довела меня до того, что стояк теперь стабильно появлялся каждый раз, как только я о ней думал.

Да что уж там, даже сейчас стоит вспомнить её мокрую футболку, идеально подчёркивающую грудь, её испуганный, растерянный взгляд, и всё — член снова реагирует, дергаясь так, будто у него своя отдельная программа на эту серую мышь.

— Ну заебись, приехали… — рычу я вслух, не зная, на кого злюсь больше — на себя, или на неё, что смогла так быстро и так сильно пролезть в мою голову.

Этого не должно было случиться. Я привык контролировать ситуацию, контролировать себя и свои желания. Но сейчас контроль летел к чертям, стоило вспомнить, как она смотрела на меня в ванной. Как дрожали её губы, как затравленно горели глаза.

Я швыряю телефон на стол и падаю на кровать, пялясь в потолок. Понимаю, что просто так заснуть не получится, потому что каждое воспоминание о Мироновой вызывало жестокий прилив крови вниз живота.

— Так, хорош! — рявкаю я уже вслух и достаю мобильный из кармана, набирая тот самый «безотказный» номер. — Да, салют, крошка. Свободна?

Глава 12

Марк Баринов

— Да, салют, крошка. Свободна? — произношу я лениво и уверенно, пытаясь настроиться на привычную волну.

В трубке томный смех Алины, она мурлычет, явно довольная моим звонком:

— Для тебя всегда, Маркуша. Приезжать? Или ты сам ко мне?

И я… зависаю.

Сука… в этот момент ловлю себя на том, что меня вдруг воротит от этой её готовности, от того, как просто и легко она снова раскинет ноги передо мной по первому же требованию. Никакого сопротивления, никакой борьбы, никакого вызова.

Скучно. Пусто.

Мысленно я снова возвращаюсь к Мироновой. Серая, мелкая и упрямая, она никак не выходит у меня из головы. Глаза вспыхивают, тело напрягается — и всё это от одной мысли о том, как Миронова смотрела на меня…

— Марк? — голос Алины выдергивает меня обратно. — Ты ещё тут?

— Забей, крош, я передумал, — резко бросаю я, понимая, что совершенно не хочу сейчас видеть её в своей постели. — Сегодня не твой день.

Сбрасываю звонок, кидая мобильник на кровать и раздражённо выдыхая. Я вообще охреневаю от себя в последнее время. Ещё пару дней назад я бы даже не подумал отказываться от ночи с Алиной. Она удобная, она горячая, она умеет делать ртом то, после чего отрубаешься за две минуты. Но сейчас даже её голос вызывает лютое раздражение.

— Сука… Миронова, что ты со мной сделала? — шиплю я в пустоту.

Злюсь сам на себя. На собственную слабость, на непонятную одержимость этой девчонкой, которая совсем мне не ровня. Я привык получать, что хочу, не задавая лишних вопросов. А теперь, блядь, валяюсь в пустой кровати и думаю о том, как она там сейчас…

Вспоминаю её замерзшие пальцы, дрожащие губы, затравленный взгляд. Как жадно и отчаянно отвечала на поцелуй, даже не желая этого признавать. Внутри снова всё сжимается от дикого желания, от которого некуда деваться.

Телефон снова пиликает.

Смс. От Алины.

«Если передумаешь, я жду.»

— Ага, обязательно, — раздраженно бормочу я и отключаю звук телефона.

Ложусь обратно, уставившись в потолок, пытаясь выкинуть её из головы. Но хрен там плавал — её образ, запах её кожи, как назло, возвращаются снова и снова.

На дворе уже ночь, когда я резко сажусь в кровати и хватаю телефон. Экран слепит, в голове всё ещё гулко и мутно, будто я не домой приехал, а вышел из драки.

Чёрт…

Открываю приложение. Пальцы зависают над экраном всего на секунду, а потом я, сам не до конца понимая зачем, нажимаю нужную кнопку.

Закрыть консультацию.

Подтвердить оплату.

Сумма улетает с карты, и только когда вижу подтверждение, ловлю себя на том, что выдохнул.

Как будто…

Как будто стало чуть легче.

— Бля… сказочный долбоеб, — бурчу себе под нос, откидываясь обратно на подушки.

Какого хера я вообще это сделал?

Ответ всплывает сам, мерзкий и честный: потому что она была мокрая, бледная и тряслась так, что зуб на зуб не попадал.

Потому что в голове настойчиво крутилась мысль — она реально заболеет. И эта мысль почему-то бесила сильнее, чем должна была.

С каких пор тебя вообще волнует, заболеет ли какая-то девчонка, Баринов?

Я сжимаю челюсти, чувствуя, как снова накрывает раздражение.

Нет. Это не жалость. Не сочувствие. Просто… не хочу лишних проблем. Вот и всё.

Телефон летит на матрас. Я провожу ладонью по лицу и резко выдыхаю.

Хватит.

Хватит думать о ней.

Самый простой способ выкинуть девчонку из головы — получить своё. Всегда так работало. Стояк спал, мозги вставали на место, и жизнь снова шла по расписанию.

Мужик — он хищник. Получил добычу — расслабился.

Так будет и сейчас.

Вот только…

Я усмехаюсь, глядя в потолок.

Завалить её по-быстрому, где-нибудь на чужой территории, — скучно. Неинтересно. Уже не цепляет. Да и она… не из тех, кого можно просто прижать к стене и получить, что хочется…

Она вцепилась зубами.

Она огрызнулась.

Не стушевалась…

И внутри снова вспыхивает это иррациональное, дикое желание — утащить её к себе. В своё логово. Закрыть дверь. И чтобы выхода не было. Чтобы она знала, кто тут главный.

Как первобытный зверь, блядь.

Я переворачиваюсь на бок и хмыкаю.

Нужен повод.

Весомый. Железный. Такой, от которого она не отвертится.

И он у меня есть.

Лобовое стекло моего порше стоит **до хуя**.

А мышь — нищая и расплатиться ей нечем.

Кроме себя, либо… какой-то работой.

Мысль оформляется медленно, но как только становится чёткой — внутри щёлкает. Всё. Решение принято.

Да, я буду для неё мудаком.

Злющим. Жестоким.

Самым худшим вариантом из возможных.

Ну а что?

— Не хер было в залупу лезть, птичка… — тихо усмехаюсь я в темноту.

И впервые за ночь чувствую, как напряжение в теле начинает отпускать.

Глава 13

Настя Миронова

— Что нам вообще обсуждать, Баринов? — едва слышно шепчу я, стараясь не смотреть на него, но под его пристальным взглядом мне становится невыносимо жарко даже несмотря на морозный воздух.

Он усмехается, лениво и уверенно, и кивает в сторону машины.

— Давай в тачку,не хватало еще заболеть. А то карму мне потом своими проклятиями испортишь, — бросает он со смешком, открывая передо мной дверь своего чёрного джипа.

С трудом удержавшись, чтобы не закатить глаза…

Взбрыкнуть и демонстративно отправиться на метро?

Ага… Сомневаюсь, что Марк так легко меня отпустит, а скандал и представление на виду у всех соседей — это гарантированная взбучка от бабушки…

Тяжело вздохнув и взвесив все за и против, я осторожно забираюсь в машину и усаживаюсь на переднее сиденье, ощущая, как мягкая кожа буквально обволакивает меня, словно насмехаясь над моим потрёпанным осенним пальто.

Едва дверь захлопывается, он садится рядом и тут же заводит мотор. Я стараюсь смотреть прямо перед собой, стараясь не замечать, насколько тесным и маленьким кажется пространство внутри, когда рядом сидит этот огромный и слишком самоуверенный тип.

— Короче, птичка, у меня для тебя предложение, — спокойно и расслабленно произносит он, будто мы обсуждаем обычную погоду. — Я тут подумал, что мне как раз нужна домработница. Три раза в неделю убираться в квартире и готовить жратву по моему меню. Я спортсмен, сама понимаешь, питание строгое, режим и вся фигня.

Я резко поворачиваю голову, поражённая его словами настолько, что несколько секунд просто тупо пялюсь на него, приоткрыв рот.

Домработница? Серьёзно?

— В смысле… — выдавливаю я наконец, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. — Ты это сейчас серьёзно?

Он бросает на меня быстрый взгляд, ухмыляется, и снова переводит глаза на дорогу, совершенно расслабленный и самодовольный, словно уже прекрасно знает мой ответ.

— Абсолютно, птичка. Смотри, какой у тебя расклад: ты разбила мне лобовуху. Тачка у меня не бюджетная, сама догадываешься. Можешь, конечно, оплатить, но, судя по твоему внешнему виду и доходам, тебе это явно не по карману. — Он снисходительно оглядывает меня с ног до головы и качает головой, явно не впечатлённый. — Так вот, месяц работы у меня — и мы в расчёте. Всего три раза в неделю, никакой сложности. Ну и бонусом: ты отрабатываешь долг, а я отваливаю от тебя.

Последние слова он произносит с особенным нажимом, внимательно наблюдая за моей реакцией.

Я чувствую, как внутри всё сжимается от сомнений. Это звучит слишком уж сладко и заманчиво, чтобы быть правдой. И дело не только в условиях, а в том, как странно смотрит на меня Баринов. Вроде спокоен, расслаблен, но что-то в его глазах говорит — не всё так просто.

— И всё? — тихо и осторожно уточняю я, кусая губу и стараясь скрыть волнение. — Ты правда больше не будешь приставать ко мне с… кхм… этим?

Баринов громко ржёт, даже не глядя в мою сторону.

— Этим? — Он лениво и нагло усмехается, даже не пытаясь скрыть сарказм. — Трахаться, птичка, это называется трахаться. Нет, не собираюсь. У меня на замарашек не стоит, расслабься.

Эти слова бьют больнее, чем я ожидала. Внутри всё болезненно сжимается, словно меня только что унизили перед всем миром. Волна разочарования, обиды и какого-то тупого отчаяния накатывает настолько резко, что мне становится тяжело дышать.

Хотя чего я ожидала? Ведь я и так знала, кто такой Баринов. И всё равно почему-то неприятно и больно.

Молча глотаю ком в горле и отворачиваюсь к окну, пытаясь скрыть пылающие от унижения щёки. Машина уже въезжает на парковку у университета, когда он внезапно протягивает руку назад и вытаскивает какой-то пакет, бросая его мне на колени.

Я в недоумении смотрю сначала на него, потом на пакет, затем осторожно заглядываю внутрь, и тут же замираю.

Новый пуховик. Чёрный, стильный, явно дорогой.

— Я не приму это, — резко выдыхаю я, чувствуя, как щеки снова начинают гореть. — Мне не нужны твои подачки, Баринов!

— Да мне похуй, птичка, — ржёт он в ответ, легко пожимая плечами и паркуясь на своё место. — Я разорвал, я купил. Это нормально. Не возьмёшь — выкину в урну. Не мой фасон.

И спокойно выходит из машины, хлопнув дверью так, что я подскакиваю на месте.

Остаюсь сидеть, сжимая пакет в руках, в полном раздрае. Внутри бушует ураган эмоций: злость, обида, страх снова оказаться в долгу перед ним, и одновременно какое-то тупое, глупое, иррациональное желание просто принять эту заботу. Нет, не заботу, просто… подарок?

— Чёрт, Настя, ну ты вообще уже! — шепчу я себе под нос, тряхнув головой. — Не смей даже думать…

Сжав зубы, я решительно оставляю пакет на сиденье и вылезаю из машины. Но едва ставлю ногу на скользкий асфальт, как тут же спотыкаюсь и почти падаю, но сильные руки Баринова хватают меня за талию, удерживая на ногах.

Прикосновение снова ударяет током, и я резко выдыхаю, поднимая на него глаза. Он смотрит слишком пристально, слишком внимательно, будто пытаясь что-то увидеть во мне, чего там нет и не может быть.

— Гордая, да? — усмехается он, медленно убирая руки и делая шаг назад. — Заводит…

Я тут же запихиваю ладони в карманы, словно защищаясь от его прикосновений, и сглатываю комок в горле.

— Значит так, Баринов, — стараюсь звучать уверенно, но голос дрожит. — Я отработаю лобовое, и мы в расчёте. Верно? Без приставаний и всего такого?

— Конечно, птичка, — снова эта его наглая улыбочка. Он протягивает руку, предлагая скрепить сделку рукопожатием, и я смотрю на его ладонь так, будто она ядовитая змея.

Несколько секунд стою, колеблясь, затем убираю руки поглубже в карманы пальто и коротко киваю:

— Ладно. Я согласна. График…

— А график я тебе сообщу позже, в смс, — легко перебивает он и, прежде чем я успеваю отшатнуться, нахально щёлкает меня по носу. — А теперь мне пора…

И, развернувшись на пятках, уходит прочь, легко и уверенно, будто у него в жизни всё просто и понятно.

Я остаюсь стоять на парковке, глядя ему вслед и чувствуя, как внутри нарастает тревожное, неприятное ощущение.

Что-то мне подсказывает, что все основные проблемы ещё впереди…

Глава 14

Настя Миронова

Стою посреди парковки, чувствуя, что вот-вот свалюсь прямо на мерзлый асфальт. Я уже едва держусь на ногах, а голова гудит так, будто её несколько часов подряд использовали вместо боксерской груши. Внутри то жарко, то холодно — классический привет от организма, который сдох окончательно после всех вчерашних приключений с Бариновым.

Марк, конечно, ничего не заметил. Или заметил, но, что еще хуже, решил проигнорировать.

В универе я провожу остаток дня в полном автопилоте. Таблетки действовать перестали ещё утром, и сейчас в голове не просто туман, а непроглядная мгла. Я сижу на лекциях, практически не понимая, о чём вообще идёт речь, делаю какие-то записи, которые, наверное, потом придётся долго и мучительно расшифровывать. Просто держусь за сознание, потому что надо.

Кое-как забрав результаты тестов у Татьяны Николаевны и пропуская мимо ушей её одобрительное «молодец, Настенька», вылетаю из универа, едва ли не сбивая с ног парочку первокурсников.

Домой. Срочно домой.

Едва успеваю добраться до подъезда, как уже практически задыхаюсь от слабости. Горло болит адски, с каждой минутой все сильнее, и я уже предчувствую, что завтра утром проснусь совсем без голоса. Натягиваю на лицо медицинскую маску… Маловероятно, что она может кого-то уберечь, но… а вдруг? Да и вообще… просто хочу скрыть, насколько мне хреново.

Рука дрожит, когда вставляю ключ в замочную скважину. Поворачиваю замок, переступаю порог, и тут же останавливаюсь, чувствуя, как сердце болезненно ухает вниз.

Потому что из кухни доносится обманчиво-доброжелательный голос бабушки:

— Итак, Анастасия, — она произносит это с особым нажимом, от которого у меня внутри всё обрывается окончательно, — ничего не хочешь мне разъяснить?

Попала…

Я закрываю глаза, чувствуя, как за ними начинают собираться слёзы. Вот сейчас бабушкиных допросов мне меньше всего хочется...

— Бабуль, давай позже, ладно? — шепчу я хрипло, снимая пальто и поворачиваясь к ней лицом. — Я не очень себя чувствую…

— Я вижу, — её голос становится жестче, она прищуривается, глядя на меня внимательнее. — Но поговорить всё равно придется, Настя. Я жду объяснений с самого утра. Где ты была вчера?! Почему задержалась?! И в чем ты приехала?!

Господи… за что мне всё это сразу?

Молча прохожу в комнату, стараясь не показывать, насколько мне плохо. Голова кружится, руки трясутся, а тело ломит так, что даже шаг сделать больно. Бабушка идет за мной, не сводя с меня пристального взгляда, и это давление сверху совершенно не улучшает моего состояния.

Сажусь на кровать, стараясь хоть немного отдышаться. В голове мелькает мысль о том, что очень скоро мне придется переступить порог квартиры Баринова, и от этой мысли меня начинает трясти еще сильнее.

Его квартира…

Чужая территория. Логово хищника, из которого нет выхода, если он сам не позволит. Мне становится физически плохо от одной мысли, что придется находиться там, вдыхать воздух, пропитанный его запахом, убирать его вещи, постель… и еще чёрт знает что. Я даже не хочу представлять, что там творится, учитывая, какой насыщенной жизнью живет этот само-

влюбленный придурок. Наверняка вокруг разбросано что-то, что будет напоминать о его регулярных развлечениях с девушками.

От одной только мысли меня начинает подташнивать, и я нервно сглатываю, снова чувствуя ком в горле.

И что еще хуже — телефон молчит.

Я постоянно поглядываю на экран, ожидая, что вот-вот придет сообщение от Баринова с подробностями, графиком, условиями, но там — тишина. И эта тишина почему-то пугает даже больше, чем его очередное нахальное сообщение или приказной тон.

Внутренний голос настойчиво твердит, что всё это не к добру. Марк Баринов никогда ничего не делает просто так. И уж тем более он не станет просто так давать шанс такой, как я, расплатиться с ним обычным способом.

Не похоже это на него!

— Настя! — голос бабушки снова вырывает меня из размышлений, заставляя болезненно вздрогнуть. — Так что происходит?

Я поднимаю на неё уставшие, покрасневшие глаза и понимаю, что у меня нет ни сил, ни желания сейчас врать.

А правду… правду я и сама едва могу сформулировать, потому что тогда придется признать, что я вляпалась во что-то настолько опасное, что никто уже не сможет мне помочь выбраться.

С трудом поднимаю на бабушку глаза, чувствуя, как тело от усталости и болезни просто отказывается меня слушаться. В её взгляде смесь недоверия, строгости и чего-то настолько осуждающего, что мне хочется отвернуться и вообще никогда больше не встречаться с ней взглядом.

— Бабуль, — шепчу я хрипло, пытаясь хоть немного унять дрожь в голосе. — Что именно ты хочешь от меня услышать?

— Правду, Настя! — резко и жестко отзывается она, скрестив руки на груди. — Я жду от тебя внятных объяснений, где ты вчера была и почему вернулась мокрая, в чужой одежде и явно не в себе!

Она практически сверлит меня взглядом, и я понимаю, что подозревает она самое худшее.

Господи, сколько можно… Я уже не первый год пытаюсь доказать бабушке, что не веду аморальный образ жизни, что не собираюсь прыгать в постель к первому встречному, но разве её в этом убедишь? Проще, наверное, поезд с рельсов сдвинуть, чем поколебать бабушкины убеждения о том, что я уже почти ступила на кривую дорожку.

Отношения у нас всегда были довольно натянутыми. Пока были живы родители, бабушка старалась особо не вмешиваться в воспитание — мама строго держала границы и не позволяла ей давить. Но стоило нам переехать сюда после аварии, и всё изменилось в одно мгновение. С тех пор бабушка буквально висит надо мной тенью, контролируя каждый мой шаг и взгляд, уверенная, что я вот-вот сорвусь и опозорю нашу семью окончательно.

— Настя, я тебя спрашиваю! — напоминает бабушка, продолжая сверлить меня взглядом, будто читает мысли. — Молчанием ты только подтвердишь мои опасения!

Я собираюсь с силами, чтобы выпалить хоть какую-то очередную чушь, которую буквально сейчас выдумываю на ходу, лишь бы от меня отстали и дали немного покоя, когда вдруг…

Телефон в кармане предательски пиликает, заставляя сердце резко ухнуть вниз, а меня вздрогнуть всем телом. Бабушка прищуривается еще сильнее, явно чувствуя подвох, а я, нервно сглотнув ком в горле, достаю мобильный, тихо молясь, чтобы это сообщение было от Лизы или ещё от кого-нибудь безопасного.

Но стоит мне только разблокировать экран, как я тут же замираю, чувствуя, как щёки полыхают огнём от стыда и унижения:

«Сегодня. Семь вечера. Опоздаешь — отшлёпаю. Не забудь ЗАБЫТЬ трусики.»

О, Господи…

Сердце начинает бешено стучать, в ушах шумит, а я снова и снова читаю сообщение, пытаясь поверить, что мне это не кажется, и ощущая, как в груди разгорается дикая паника.

Началось…

— НасЧто это за переписки, от которых у тебя щеки краснеют?

Я быстро блокирую телефон, поднимаю на неё глаза, чувствуя, как меня пробирает до самого позвоночника от очередного витка унижения. Бабушка стоит передо мной, ждет ответа, а я прекрасно понимаю, что теперь всё стало еще хуже.

— Я нашла новую работу, — тихо и обречённо произношу я, чувствуя себя так, словно готовлюсь прыгнуть в ледяную прорубь. — Я буду работать домработницей.

Ну все… Да будет шоу!

Глава 15

Марк Баринов

Мне неинтересна Миронова.

Повторяю это снова и снова, как ебаную мантру, пока хожу по квартире, пытаясь хоть немного сбить напряжение, которое меня накрывает всё сильнее с каждой грёбаной минутой.

Неинтересна.

Она — никто.

Просто серенькая мышь, которая посмела меня зацепить. Всего лишь задетое эго, обычный инстинкт, желание поставить жирную точку.

А точка тут одна. Всегда одна.

Секс.

Как только я её трахну, как только она впервые застонет подо мной, подастся навстречу, впиваясь ногтями в мою спину, меня сразу отпустит.

Так всегда было. Получил своё — расслабился и живёшь дальше. И похер уже на эту дерзкую, мелкую заучку с задатками моралистки.

Потому что то, что творится в моей башке, уже наваждение какое-то, ненормальное помешательство, от которого пора избавляться.

Да, затея с домработницей была полным идиотизмом. Абсурд, чистой воды. Но иного способа заманить эту трусишку в свою берлогу не было. Добровольно Миронова сюда не сунется. Не наивный. Знаю.

Но теперь, за пару часов до её прихода, я мечусь по квартире, словно какой-то псих. Перекладываю вещи, пытаюсь хоть какой-то беспорядок устроить, чтобы ей было что убирать, и не выглядело, будто я специально готовился к её приходу. Но, как назло, квартира идеально чистая. Привычка, которая въелась намертво — батя бывший военный, а значит, чистота и порядок у нас в доме были не просто нормой, а законом.

И вот, сейчас уже почти шесть часов. Скоро эта мелкая заноза окажется здесь и выйдет отсюда уже совершенно другой. Я не сомневаюсь — она сдастся.

Я слишком хорошо помню, как её тело реагировало на мои прикосновения. Помню её бешеное дыхание, податливость, тепло кожи, дрожь…

От этих воспоминаний меня начинает люто колбасить. Член ведёт себя так, будто мне снова пятнадцать, и я впервые в жизни увидел женские сиськи. Что за херня со мной происходит?

Женщин у меня было море. Красивых, доступных, опытных и тех, кто сами лезли ко мне в постель. Но ни одна не заводила настолько. Ни одна не вызывала такой дикости, не цепляла, как эта девчонка с наглым взглядом и дрожащими от страха губами.

Она словно самый изысканный, самый дорогой деликатес, от которого мозги летят к чертям, который хочется кусать, лизать, пожирать, доводя до безумия. Член снова болезненно дёргается, и я злюсь уже сам на себя, пытаясь думать о чём угодно, кроме неё.

И тут… тишину квартиры разрывает звонок в дверь.

Я резко дёргаю головой, бросаю взгляд на часы и хмурюсь.

Рано. Ещё час до того, как должна прийти Миронова. Кто вообще может быть сейчас так не к месту? Свидетели мне не нужны, этот вечер только мой.

Я размашисто шагаю к двери и резко распахиваю её, но тут же замираю, охреневая от увиденного.

— Привет, котичек! — ультразвуком пищит Алина, стоя на пороге в шубе и хитро улыбаясь.

Она распахивает полы, демонстрируя почти полное отсутствие одежды, потому что назвать то, что на ней надето, бельём язык не поворачивается. Пара ниток, которые ровным счётом ничего не прикрывают.

Желваки активируются непроизвольно, а в горле возникает ком… Тошнит.

— Ты меня вчера так завёл… — мурлычет она, шагнув ко мне и прижимаясь всем телом. — А дальше? Я же тебя ждала всю ночь…

Не успеваю даже слово вставить, как её губы приникают к моим, а дверь захлопывается за нашими спинами.

Вот же чёрт…

Я резко отрываю Алину от себя, практически отпихивая её к двери. Сердце бешено колотится, губы буквально горят от её поцелуя — но это совершенно не то, что мне сейчас нужно. Более того, мне сейчас хочется только одного — смыть этот её поцелуй с мылом и навсегда стереть вкус с губ.

Что за херня вообще, Баринов?!

Перед тобой же стоит горячая девчонка, которая умеет своим язычком такое, что на ногах потом трудно стоять. Я это знаю. Уже пробовал. Но сейчас от одного прикосновения её губ к своим меня начинает откровенно воротить.

А всё почему? Потому что случилась эта грёбаная Миронова! Эта странная, дерзкая, мелкая мышь, которая умудрилась перевернуть всё вверх дном и пробудить во мне то, чего не было никогда. То, что не укладывается ни в одну нормальную схему.

— Давай домой, Алин, дефелируй домой, — жёстко обрываю я её, почти выставляя за порог. — Я не в настроении.

— Марк! — она упирается руками в дверной косяк и смотрит на меня обиженными глазами, словно щенок, которого пнули ногой. — Подожди! Я только помаду свою заберу и сразу уеду, честно!

— Какую ещё помаду? — хмурюсь я, откровенно не понимая, о чём она. Я не помню, чтобы в моей ванной валялась какая-то женская косметика.

— Любимую! — Алина драматично вздыхает, выгибая губки бантиком. — Её сейчас в России не купить вообще нигде. Пожалуйста!

Скрипнув зубами, я секунду смотрю на её жалобную мину, затем отступаю в сторону, пропуская в квартиру.

— Ладно, только быстро. У тебя минута, — рявкаю я ей вслед, и она, кивнув, словно сайгак несётся в сторону гостевой ванной, где обычно и обитала, когда приезжала ко мне.

Не успеваю даже выдохнуть и обматерить несправедливость вселенной, как начинает трезвонить телефон, лежащий на комоде в спальне. Бросаю раздраженный взгляд в сторону коридора, пытаясь держать его в поле зрения, и быстро хватаю трубку.

— Да? — огрызаюсь я в трубку, раздражённый донельзя.

— Ого, чё такой злой, братан? Не вовремя? — усмехается Богдан, друг-айтишник, звонка от которого я жду уже несколько дней.

Все, что Богдан смог найти мне на Миронову на скорую руку, я уже использовал… нелегальная практика, куча другой работы, которую она на себя, словно на елку игрушки навешала… Ей однозначно требовались бабки и много. И на хера?

Вот это и должен был мне разузнать Богдан.

— Да как раз вовремя, — раздражённо бурчу я, следя за тем, как Алина выходит из ванной, медленно и провокационно шагая к выходу, намеренно распахивая полы своей дурацкой шубы, демонстрируя всё, что только можно продемонстрировать.

Возле двери она замедляется, с усмешкой смотрит на меня и громко, чтобы услышали в трубке, мурлычет:

— Богдаша, приветик!

Затем, словно специально, тянется ко мне, чмокает в щёку и наконец сваливает, громко хлопнув дверью.

— М-да, весело у тебя там, — ржёт Богдан. — Перезвонить? Если надо поточить карандаш…

— Заткнись уже и давай по делу, — огрызаюсь я, уже не скрывая своего раздражения. — Что там по девчонке?

Богдан снова усмехается, явно наслаждаясь моментом, и тянет театральную паузу, затем произносит:

— Ты охуеешь, когда я тебе всё расскажу, братан! Ты прикинь…

Но договорить он не успевает, потому что снова раздаётся звонок в дверь.

Ну всё, пизда котенку!

Я буквально в два шага подлетаю к двери и с таким остервенением распахиваю её, что едва не сношу её с петель.

— Алина, иди нахер! — рявкаю я в лицо стоящему на пороге человеку, но тут же замолкаю, почувствовав, как внутри всё резко падает вниз.

Потому что передо мной стоит не Алина.

Передо мной стоит Миронова.

Глава 16

Марк Баринов

Мгновенно бросаю Богдану короткое «Перезвоню», отключая связь и сунув телефон в карман джинсов.

Да и похер на все эти тайны и расследования, ведь сейчас прямо передо мной стоит нечто гораздо интереснее.

Миронова.

Птичка сама пришла в клетку… от осознания этого внутри начинает приятно, мучительно гореть. Она стоит на пороге моей квартиры, взгляд испуганный, нервный, упорно направленный в пол. Нижняя губа уже искусана почти до крови, щеки залиты нежным румянцем, глаза блестят, выдавая её напряжение с головой.

Правильно нервничаешь, крошка…

От одного только вида, как она безжалостно мучает губы, меня накрывает таким диким возбуждением, что едва хватает самоконтроля не трахнуть ее прямо здесь, в этом грёбаном коридоре. Усадить эту сладкую, упругую попку на комод, развести ножки пошире и войти так резко и жёстко, чтобы малышка закричала, впиваясь ноготками в мои плечи…

Спокуха, Марк. Всё успеется… Испугаешь сейчас – потеряешь самое вкусное. Самое сочное.

Глубоко вздохнув и подавив желание, я лениво облокачиваюсь на дверной косяк, натягиваю на лицо самую обворожительную улыбку и произношу:

— Что, птичка, послушалась моего совета и решила сегодня обойтись без трусиков? Или предпочла рискнуть?

Её щёки вспыхивают ещё ярче, глаза наконец отрываются от пола и резко поднимаются на меня. В них отчётливо читается злость вперемешку с обидой, а губы сжимаются в тонкую линию.

— Ты обещал, что будет без… вот этого всего! — выпаливает она, задирая нос и пытаясь выглядеть уверенной и непреклонной.

Я снова усмехаюсь, едва сдерживая громкий смех.

Ох уж эти наивные чукотские девочки! Поверила, значит, всему, что ей пообещал? Ну ничего… подольше поиграем… Так даже интереснее и вкуснее по итогу.

— Ладно-ладно, не пугайся, птичка, — лениво тяну я, отходя в сторону и широким жестом приглашая её войти. — Проходи, располагайся, будь как дома…

Она осторожно делает шаг внутрь, и я тут же закрываю за ней дверь. В квартире мгновенно воцаряется тишина, вязкая и какая-то томительная. Я внезапно понимаю, что вот он, тот самый момент: девчонка полностью в моей власти. Здесь, за закрытыми дверями моей квартиры, она не сможет от меня сбежать. Та самая, что не выходила из головы и поселилась там надолго, теперь стоит прямо передо мной — мягкая, нежная, словно спелый персик, от одного вида которого сводит скулы от желания впиться в него зубами.

Просто руку протяни и…

— Где тряпки, ведро и средства для уборки? — внезапно звучит её голосок, пробиваясь сквозь мои эротические фантазии и резко возвращая в реальность. Голос слегка дрожит, она явно пытается выглядеть уверенной и убедительной, но пока получается не очень.

Ну конечно… Мы же договорились… И она пытается соблюдать условия, отчаянно цепляясь за правила этой глупой игры, о которой, я уверен, она знает, что это лажа… Не может не знать.

— Сейчас покажу, — спокойно произношу я, подавляя раздражение от того, что моё сладкое наваждение приходится прерывать.

Я веду её в ванную, но не в ту, где буквально пару минут назад выплясывала полураздетая Алина, а в свою личную — туда, куда никогда и никого не пускал. Моя территория. Святая святых.

Остановившись возле неприметного встроенного шкафчика в стене, я киваю в его сторону:

— Всё там. Доставай.

Миронова несколько секунд смотрит на дверцу шкафа, словно пытается догадаться, как её открыть. Наблюдать за тем, как она нервно хмурит брови, пытаясь сообразить, что делать, — отдельный вид удовольствия. С едва сдерживаемой усмешкой подхожу ближе, беру её ладонь в свою, чувствуя, как девчонка тут же вздрагивает от моего прикосновения, и аккуратно подношу её тонкий пальчик к сенсорному датчику в самом низу дверцы.

— Вот так, — шепчу я тихо прямо над её ухом, и шкафчик мгновенно распахивается, являя всё своё содержимое.

Стоя так близко, я вдруг снова ощущаю запах её волос, тот самый сладкий и дразнящий, что свёл меня с ума тогда в её тесной коморке, которую она так гордо величает кабинетом.

Меня резко накрывает волной дикого желания, до ломоты в зубах хочется зарыться лицом в её шею, вдохнуть её запах поглубже, притянуть к себе и никогда уже не отпускать.

Она нервно сжимается под моими руками, и это приводит меня в чувство. С усилием воли заставляю себя сделать шаг назад, освобождая её от своего давления. Нужно немного сдать позиции сейчас, чтобы потом выиграть всё и сразу…

— Можешь приступать, птичка, — спокойно и насмешливо произношу я, чувствуя, как в груди бешено стучит сердце от только что пережитого напряжения.

И сейчас мне интереснее всего, как быстро она сломается и перестанет притворяться, что я ей безразличен…

Но пока… Мы играем в эту дибильную игру…

Я молча наблюдаю за тем, как Настя медленно достаёт все принадлежности для уборки и снимает куртку, оставляя её на крючке рядом с дверью. Под курткой оказывается объемный спортивный костюм, под которым угадывается плотная водолазка с высоким горлом. Меня невольно пробирает усмешка — сейчас она напоминает подарок, упакованный в несколько слоёв плотной, скучной бумаги. Но чем плотнее упаковка, тем больше хочется разорвать её к чёртовой матери, добраться до сути, даже не замечая, что происходит с самой обёрткой.

Зачем ей в моей квартире вообще одежда?

Лучший костюм, который ей подходит — это отсутствие всякого костюма.

Я чувствую, как она нервничает — кидает на меня быстрые, испуганные взгляды, дёргается от малейшего моего движения. И от этого зрелища мне становится откровенно хорошо.

Как приятно наблюдать за тем, как она сама загоняет себя в ловушку!

— Ты так и будешь смотреть? — вдруг вспыхивает она, резко оборачиваясь ко мне и с вызовом глядя прямо в глаза.

Я невольно улыбаюсь, с удовольствием понимая, что не сломал её окончательно. Весь этот гонор, вся эта гордая спесь — всё то, что изначально зацепило и не даёт мне покоя до сих пор, никуда не исчезло. Впиталось намертво в её хрупкое, маленькое тело.

— А что, тебя это смущает? — лениво ухмыляюсь я, подходя чуть ближе и медленно подхватывая край своей футболки. — Кстати, стиркой тоже неплохо было бы заняться…

И с показной небрежностью стягиваю футболку через голову, демонстрируя ей свой торс во всей красе. Мышцы мгновенно напрягаются, словно только и ждали момента покрасоваться перед ней. Я вижу, как меняется её взгляд, вижу, как она буквально не может оторвать глаз от моего тела, от груди, от пресса…

Да, малышка, сегодня всё это принадлежит тебе. Просто протяни руку, и мы закончим этот грёбаный театр раз и навсегда.

Одной ночи будет точно недостаточно, чтобы избавиться от того сумасшествия, которое ты творишь с моей башкой…

Пара-тройка дней в кровати — вот это уже ближе к истине.

— Я и это должна делать? — с усилием воли она отрывает взгляд от моего тела, нервно выдыхает и выключает воду, добавляя в ведро какое-то чистящее средство. — У тебя что, трусы закончились?!

— Они мне не нужны, — с усмешкой произношу я, снова приближаясь к ней и намеренно наклоняясь совсем близко, протягивая руку в шкафчик за её спиной. Достаю оттуда пару синих резиновых перчаток, которые оставила моя клининговая команда. — А вот ручки нужно защитить…

Я стою так близко, что практически ощущаю её сердцебиение. Она зависает, тяжело дыша, не в силах отвести от меня своих огромных, испуганных и таких выразительных глаз. Я буквально тону в них, словно в глубоком море, теряя остатки здравого смысла.

Снова усилием воли она резко выхватывает у меня перчатки, отворачивается и с остервенением натягивает их на руки, хватая ведро и стремительно юркая у меня под рукой, сбегая из ванной. Я смеюсь ей вслед, искренне наслаждаясь её попытками убежать, как пойманная в клетку птичка.

— И куда ты потащила ведро, а? — насмешливо бросаю я ей в спину. — Где ты собралась мыть?

— Начну с коридора! — резко и даже грубовато огрызается она, опускаясь прямо на колени на пол в прихожей и демонстративно окуная тряпку в ведро с водой.

И вот тут я понимаю, что всё. Держать себя в руках больше невозможно. Одна только картина, как эта маленькая, дерзкая девчонка стоит передо мной на коленях, заставляет сорвать последние тормоза.

Резко отшвыриваю футболку в сторону и буквально в два шага сокращаю расстояние между нами. Она даже понять ничего не успевает, как я подхватываю её за талию, поднимаю и усаживаю прямо на комод в прихожей, широко разводя её коленки и властно перехватывая руки, зафиксировав их над головой.

— Пусти! — испуганно и возмущённо вскрикивает она, пытаясь вырваться, но я вижу, как судорожно вздымается её грудь, как лихорадочно бьётся пульс на тонкой шее. — Ты обещал! Я буду кричать!

— Кричи, — лениво и нагло шепчу я, медленно приближаясь к её губам, наслаждаясь паникой и одновременно желанием, которое отчётливо пульсирует между нами.

Её взгляд затравлен, губы плотно сжаты, и я с диким удовольствием провожу кончиком языка по этой сжатой линии, смакуя её вкус. Медленно, мучительно, чувствуя каждой клеточкой тела, какая она маленькая, хрупкая, сладкая…

— Марк… — выдыхает она едва слышно, и этого хватает, чтобы я тут же впился в её губы глубоким, яростным поцелуем, проникая языком внутрь её сладкого рта, чувствуя, как она наконец-то сдаётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.